

ШУСТРЕНКА

Наташку на все летние каникулы, лишь закончила она пятый класс, отец отправил на тридцать третий лесной кордон к знакомому леснику Александру Григорьевичу Аношину.

Наташкин отец раньше тоже был лесником, потом выучился, стал работать в городе, но работа опять была связана с лесом; часто приходилось ему уезжать в командировки, и он знал многих лесников по своему лесному краю, и дочь свою он отправил к надежному человеку: доброму, умному и строгому.

Из города Наташка уезжала в середине дня, в самую духоту и жару. Пока машина постояла у подъезда их дома, от нее на асфальте остались вмятины. По такой жаре Наташка хотела ехать в кузове грузовика, но ей это категорически запретили. Отец разгадал, что она собирается стоять, опершись о кабину, что в ее возрасте делать еще неположено, и пересадил в кабину под присмотр шофера Вити.

Шофер был молодой, недавний пэтэушник. Он еще не служил в армии, потому и было так много ему наказов от Наташкиной мамы смотреть за ней, но не просто смотреть, а держать в кабине. Потом просили Витю обращать внимание на чемодан, на котором не было замков и который мог растряситься в дороге, так как веревочкой отец связал его слабенькой, как связывал для себя в командировки, — а потом не привозил назад половину вещей.

Когда мать давала наказания Вите, отец Наташки лишь улыбался. Он и от себя дал наказ:

— Витя, за моими вещами смотри. Если попугчиков возьмешь, предупреди, чтобы на ящик не садились и не кантовали его.

— Ладно, Кирилл Петрович, скажу... Да все будет в порядке. Правда, шустренка? — спросил Витя у Наташи.

Отец рассмеялся и похвалил шофера:

— Какой, Витя, ты молодец! Я сколько голову ломал, как называть мне мою Наталию, а ты сразу дал ей самое точное имя... Мать, слышишь, дочь наша отныне зовется Шустренкой. Витя назвал ее так, окрестил, как говорится.

— Еще ей прозвищ не хватает, — ответила мать и строго посмотрела на шофера, подумав: серьезно ли человеку доверяет она свою Наташку?

Витя покраснел, проговорил:

— Да я ничего... Я так... У меня тоже есть шестренка...

Витя не всегда выговаривал «с», вернее, не во всех словах, отчего и смутился, и заспешил в дорогу.

Отец взял у Вити конверт с письмом для Аношина, что-то дописал и тогда лишь пожелал счастливого пути, отступил от машины.

— Главное, стронуться с места, — сказал Витя, выжидая, когда пройдет поток машин и ему можно будет вырулить на главную улицу.

Наташка сидела строгая. Ее не касалось, что главное, что не главное. Если бы она ехала в кузове, это было бы главнее всего. За это она была в обиде на Витю, а еще ей не понравилось, что он назвал ее шустренкой.

С главной улицы надо было сворачивать направо, тоже на главную. Витя крутанул было баранку, но разом спохватился. Можно было ехать только прямо. Регулировщик погрозил ему за маленькую оплошность.

— Начинается, — сказал Витя и погнал машину, куда не следовало ее гнать. — Хорошо, что не остановил. Хороший, видать, регулировщик. Другой прокол сделал бы.

— Прокол? — спросила с удивлением Наташка.

— Да. Без разговоров, — ответил Витя и вдруг плюнул: — Тьфу! Можно было свернуть — проморгал.

— Ты о чем-нибудь думал? — спросила Наташка.

— Вовсе разговаривал, — ответил Витя. — Лишний километраж будет.

— Ты не думай и не разговаривай, — сказала Наташка. — Я тоже когда на уроках думаю, то все вверх ногами запоминаю. Диктант если бывает, а мне думается в это время, то двойка. Потом папку в школу вызывают. Мама не ходит. Она боится расстраиваться. А папка уже знает все мои слабости — ему не страшно. И с учителями он умеет разговаривать. Его в пример всем ставят.

— Папка твой хороший, — сказал Витя. — Его на работе тоже все любят. Он ни на кого не кричит и не ругается... Эх ты! Опять кирпич! Не свернуть.

— Такая машина кирпич не переедет? — спросила Наташка.

— Кирпич переедет. А это знак такой: проезд запрещен. Мы его кирпичом зовем. У нас свой язык, шоферский.

— Не разговаривай, — предупредила Наташка и подумала, что «прокол» тоже что-нибудь другое, а не шину прокалывают, как она решила.

Витя держался за баранку и внимательно смотрел вперед. Наташка подумала, что он старается так только из-за нее, и он стал ей нравиться. Она пожалела его и стала как бы помогать ему смотреть вперед и по сторонам, искать улицу, чтобы свернуть в сторону и выехать к загородной дороге на тридцать третий кордон.

— Считай, выбрались, — сказал Витя и облегченно вздохнул. Он выпрямился, сел выше на сиденье, стал хозяином дороги.

— Машин было много. Их обгоняли легковые и грузовики.

— Все обгоняют нас, — сказала Наташка. — Машина наша какая-то улитка.

— Машина хорошая. Просто нам спешить некуда, — ответил Витя. — А они пускай обгоняют. Быстро едут — скорее на ремонт встанут. Пускай газуют, пускай, — возрадовался Витя и закричал: — Жмите, ребята! Жмите быстрее! Винтики, гаечки по сторонам...

— Это песня такая? — спросила Наташка.

— Да нет, на ходу сочинилось!

Вите было весело. Он радовался, что вырвался из города, где сидел за баранкой, словно на иголках. Теперь же ему казалось, что он не имеет веса, пружинистое сиденье подкидывало его и выкинуло бы, как катапульта, если бы он не держался за баранку. Наташке от его веселья сделалось почему-то боязно. Она подумала, что Витя врежется куда-нибудь, если будет так веселиться всю дорогу.

— Ты кем станешь, Наташа, когда вырастешь и выучишься? — спросил Витя.

— У меня будет много детей, и я, наверное, буду мамой, — ответила Наташка.

— А ученой, как твой папа?

— А зачем нам много ученых. Нам одного папы хватит, — ответила Наташка и посмотрела на Витю.

Витя вдруг снова осел, пригнулся к баранке и пощелкал по щитку с приборами.

— Э-ге-ге, — произнес он, — кажется, приехали. Я забыл заправить бак бензином.

— Склероз, — сказала Наташка. — У моей мамы тоже ранний склероз. Она все забывает. В магазин сходит — ничего не купит.

— Наверно, в очередях стоять неохота, — сказал Витя. — Сейчас чихать начнем и встанем на тормоза.

— От дыма чихать будем? — спросила Наташка.

— Не мы чихать — мотор будет чихать.

— А я все думаю взаправду, — сказала Наташка. Машина сбавила скорость, свернула на обочину, тихо проехала несколько метров и остановилась.

— Вот тут и будем охотиться на простаков, — сказал Витя и плюнул с досады.

Он посидел немного, словно был доволен тем, что остановился, потом отворил дверцу, важно вылез из кабины и посмотрел на дорогу в одном и другом направлении.

— Наташа, можешь цветочки пособирать, — сказал он.

— Кому их? — спросила Наташка.

— Мне букетик подаришь.

— Витя, а ты отличный шофер или... или никакой? — спросила Наташка.

— А что? — спросил Витя.

— Ничего. Я так спросила, — ответила Наташка, положила руки на колени, откинулась на сиденье и задумалась.

Она стала гадать, какое место ждет ее, какие люди встретят и приветят, есть ли там близко деревня, какие мальчики с девочками в той деревне, где можно будет купаться, и, вообще, как там будет все-все.

В это время лесник, Александр Григорьевич Аношин, вышел из дома с кастрюлькой, налил Бесу кутьи. Он опасался, как бы Бес не наделал бед с приездом нового человека, дачницы: сунется девочка к нему, заигравшись, подбежит близко — разорвет.

Всю свою жизнь Бес просидел на цепи. От этого ли, от природы ли он был зол на всех, наводил страх на людей, пугал животных, лесного зверя. Мимо дома лесника давно не ходили люди, хотя раньше здесь была прямая дорога к озеру. Теперь протоптали новую тропу в отдалении, за деревьями.

Бес не любил и своего хозяина. Он никогда не ласкался к нему, не бросался при нем на корм, лишь смотрел страшным белым глазом, выжидал, когда хозяин удалялся, поднимался и подходил к миске.

Александр Григорьевич посмотрел на сарай, подумал, не перенести ли конуру подальше от дома, скрыть пса за сараем в ольшанике. Надо было этим заниматься срочно: к обеду, часу во втором

дачница должна была прибыть, — но его ждали и другие дела. На берегу озера рыбаки срубили ради забавы большую семенную сосну. Следовало найти их, привлечь к ответственности. Можно было бы оставить эту затею — есть и еще семенные сосны, а в миллионном городе столько рыбаков, что среди них днем с огнем не опознаешь преступников. А надо было искать.

Александр Григорьевич решил навести порядок по дому. Он перенес другую, пустовавшую конуру за сарай, расчистил травку и отвел Беса на новое место. Девочку он хотел поселить в восковой комнате, убрал из нее все скопившиеся вещи, свежим липовым веником обмел сосновые желтые стены, потер воском некоторые бревна и заставил Маришку, свою старшую дочь, протереть окна и нарвать хороших цветов.

За работой незаметно пробежало время, придвинулось к обеду. Александр Григорьевич вышел к развилке. Вдруг попадется беспутный шоферишка, не разберется в схеме дороги, свернет не туда и понесется плутать по лесным дебрям — когда-то потом вынырнет к дому.

Александр Григорьевич посмотрел на следы. Машины не проходили. На дороге отпечатались след трактора, видимо, кто-то проехал за дровами на вырубке, но еще не вернулся.

Шел третий час. Машина не появлялась. Александр Григорьевич обошел участки соснового молодняка. Из семян срубленной сосны деревца росли быстрее остальных, были с хорошей кроной, словно посеяли их на иной земле. Если приедет вместе с дочерью сам Кирилл Петрович, то будет ему на что посмотреть, порадоваться. Конечно, будут и огорчения: семян таких больше не собрать для новых опытов, а с молодого потомства их не скоро дождешься. Александр Григорьевич и порешил, что потому и задерживается машина, что едет он сам, а ему только бы до леса добраться — он сразу пойдет искать особые деревья, примечать, описывать, фотографировать, — и с этой мыслью Александр Григорьевич оставил развилку и вернулся к дому.

Витя голосовал каждой проходящей мимо машине. С шумом проносились легковые: «Волги», «Жигули», «Москвичи», проползали «Запорожцы», гроыхали самосвалы, не останавливались лесовозы и дальнобойщики. Остановился один самосвал. Шофер, казавшийся вываленным в дорожной пыли, выглянул из кабины, спросил:

— Полонка?

— Горючка кончилась, выручи, корешок, — сказал Витя.

— Носовой платок есть? — спросил шофер. Витя сунул руку в один карман, в другой, крикнул:

— Наташа, носовой платочек есть? — Наташа подала платочек, сказала:

— Такой только. В чемодане чистый есть, достать?

— Не надо, девочка, — сказал шофер. — Нам сгодится такой.

Витя протянул ему платочек.

— Верни его хозяйке, — сказал шофер. — Когда у тебя свой будет, только мужской, настоящий, — он вытянул из нагрудного кармана чистый платок, показал Вите, — тогда только я могу быть с тобой в корешах.

Витя покраснел, отступил от машины и спросил, видимо разозлившись:

— Это я понял. А бензина вы мне дадите?

— Бензина не дадим, — ответил шофер. — Вы, молодой человек, от бензоколонки едете, а я к ней должен дотянуть. Да и не кореша мы...

Витя не стал после такой беседы поднимать перед каждой машиной руку. Он стал таким невеселым, что Наташке тоже сделалось не по себе, словно они застряли на этой дороге на многие годы, простоят здесь, состарятся, а когда вернуться домой, то и не застанут своих родителей — они поумирают, не дождавшись их.

Через некоторое время остановилась машина ГАИ. Милиционер, лейтенант, подошел к Вите, спросил:

— Права, путевку? — Он заглянул в кузов:

— Что везем, куда?

— Семена на тридцать третий кордон и вот девчонку к леснику жить, — ответил Витя.

Лейтенант просмотрел документы, сказал:

— Тормоза покажите.

— Не могу, — ответил Витя. — Бензину нет. Просмотрел заправочную.

— Куда же вы смотрели? — спросил лейтенант и вернул Вите документы. — Детство вспоминали?

Рано вроде бы.

— А у меня не было детства, — сказал Витя в обиде.

— Как не было?

— Я из детдома, — ответил Витя.

— Ну, детство-то все равно было. Детдомовское, но было.

Лейтенант остановил сразу две машины. Шоферы сами поднесли ему права с путевками, но он не взял их, сказал:

— Паренька сможет кто-нибудь выручить... бензином? Замечтался, проскочил бензоколонку.

— Есть.

— Этого добра навалом, — отозвались шоферы.

— Канистра есть? — спросил один.

— Нет. Ведро только, — ответил Витя.

— Давай ведро.

Витя радостно забежал от машины к машине, заправился и стал прощаться с лейтенантом, благодарить его.

— Тормоза стоит проверить? — спросил лейтенант.

— Как хотите, — ответил Виктор. — Я их пробую всегда перед выездом.

— Ну, тогда счастливого пути. — Лейтенант козырнул ему и сказал: — Передайте привет Александру Григорьевичу. Скажите — заедем порыбачить. Пусть парочку щук привяжет к камышам, на поджарку.

— Ладно, передам, — улыбаясь, ответил Витя.

— Кстати, — добавил лейтенант, — я тоже детдомовец. У меня тоже особое детство было.

— А вы в каком детдоме были? — спросил Витя.

— В более-менее приличном, — ответил лейтенант. — И сейчас связь держу.

Витя снова ожил, повел машину быстро, легко, заговорил весело:

— Надо же, Наташа, человек-то! А? На дороге, оказывается, тоже люди встречаются. В детдоме тоже был.

— А почему он милиционером стал? — спросила Наташа.

— Почему? Нравится. Милиционеры что, не люди, по-твоему? Нам бы с тобой тут столько пришлось голосовать, а он сразу сделал что надо.

— Подумаешь, — ответила Наташка. — Я тоже смогла бы.

— В другой раз, — отозвался Витя.

Наташкин отец был чудачком-ученым. Он разводил леса, часто отрывал ее от дел рассказами о Докучаеве, выростившем на юге дубовые рощи, мечтал и сам вывести такие породы деревьев, каких никогда не бывало в их крае. О тридцать третьем кордоне он заговаривал чаще всего. Там у него были основные опытные участки, от которых он с нетерпением ждал чуда. Росли там узорчатые и бородавчатые березы, сибирские лиственницы и кедры, какие-то особенные осины, ивы, тополя. С отцом работали на кордоне студенты, помогал ему, и много, — Александр Григорьевич.

Мысли Наташки были заняты предстоящей жизнью в лесу, о котором она много слышала от отца, лесником Александром Григорьевичем, его злым псом, которого Наташкин отец и боялся пуще всего, отправляя ее в дорогу. Она считала, что дом лесника должен быть особенным, с какими-то тайнами. Стоять ему надо чуть ли не на курьих ножках или на сухом сосновом пеньке. Она нарисовала себе в воображении этот дом, прошла по разным его комнатам, по подвалу, по чердаку. Она подружилась со злым псом — он сопровождал ее всюду...

Витя думал об устройстве мира. Его этот мир не совсем устраивал. Лейтенант, выручивший его, тоже детдомовец... Ничего не понять в людях.

Однажды, совсем мальчишкой, Витя сбежал из детдома. Он был самым тихим. На него ополчились ребята, стали изводить разными издевками, проходу не давали... За него никто не заступился. Воспитатели тоже придирались, водили к заведующей, наговаривали ей, что он никого не слушается...

Дорога была неровная. Машину подкинуло так, что Наташка схватилась за ручку дверцы, а Витя крутнул баранку, нажал на тормоза. И забыл он разом, о чем думал. Что вспоминать, когда все давно прошло, а коль вспоминается, не за работой же отвлекаться...

— Витя, останови, пожалуйста, — попросила Наташка. — Я что-то увидела.

Витя посмотрел на Наташку, затормозил, прижался к обочине и остановил машину.

— Где ты увидела, что? — спросил он.

— Витя, вон дерево стоит. Ой, оно мне знакомо. Мне папа рассказывал про него. Да-да, там речка и обрыв. Оно над речкой. Кажется, вот-вот завалится, а стоит уже долго-долго.

— Героиня, — сказал Витя. — Бури не было, вот и стоит. Устояло бы оно, если бы дунуло как следует.

— Витя, вы человек с сентенциями, — сказала Наташка.

— С чем я? — спросил Витя.

— С сентенциями, — повторила Наташа. — К нам приходил один с папиной работы, он всегда говорил: «Дети должны много трудиться, пока они не выросли, пока в них не поселилась лень...»

— Лень поселяется?! — спросил Витя.

— Она уживается, — ответила Наташка. — Мне все говорят: будь тише. А я не хочу тише. Я хочу всегда так... Витя, тут речка, вы можете искупаться.

Витя как-то скривился, сказал смущенно:

— У меня плавок нет.

— А вы не плавайте, Витя, — посоветовала Наташка, — вы сразу ныряйте и купайтесь. Тут курортников нет. Это на юге, когда мы с мамой там были, — купальники, купальники, а плавать никто не умеет. Лежат, как бочки на песке...

— Наташа, ты что собираешься делать? — спросил Витя. — Учти, я долго задерживаться не буду.

— Витенька, только добегу до дерева... Витенька, под этим деревом Петр Первый отдыхал.

— Цари под осинами не отдыхают, — ответил Витя.

— Это дуб — не осина.

Витя посмотрел на раскидистое могучее дерево над речкой, сказал:

— Можешь сбегать, шустренка. Недолго только... Это... а чего Петр отдыхал везде — он не работал?

— Он царем был, Витя! Он проедет, посмотрит — и отдыхает, — ответила Наташка. — У царей такая работа.

Наташка выскочила из машины и, перебежав дорогу, скрылась за деревьями. Витя, поглядывая по сторонам, отдыхал. Между прочим ему подумалось, что хорошо быть большим, что вот он поработал, а теперь может отдохнуть, отдохнуть не просто так, а словно царь Петр Первый.

Витя взглянул на дерево. На обрыве мелькнула Наташка и скрылась.

«Схожу и я туда, — подумал Витя. — Петр, Петр... Посмотрю, где это он отдыхал. — Витя улыбнулся: — Выдумают тоже».

Он оставил машину, вышел на берег и направился к дубу. Речка была коричневая. Казалось, что она вытекает откуда-то из болота. Витя вспомнил кинофильм о Петре Первом. Он там такой высокий, что эту речку перешагнет с берега на берег.

Под дубом была скамейка, яма с песком для окурков. Витя сел на скамейку, привалился спиной к старому стволу дуба, расставил ноги, представляя, что так именно и сидел, наверное, царь. Вдруг он вспомнил, что нет Наташки, вскочил и стал смотреть вокруг.

— На-таш-ка! — крикнул Витя.

Ему не отозвалось даже эхо. Он спрыгнул с обрыва, пронесся по песку к воде, стал искать следы Наташки.

— Отпустил на свою голову, дурак, — ругнул себя Витя. — Надо было ехать без остановки. Когда теперь доберемся? Ночью придется возвращаться.

Витя прошел по берегу. За поворотом речка стала шире, многоводнее. Он увидел в зарослях приток, темную лесную речушку.

«Рыбы тут, наверное! — подумал Витя. — Половить бы».

Он еще раз позвал Наташку и вернулся к машине. Наташка сидела в кабине, мокроволосая, замерзшая.

— Где ты пропадаешь? — спросил Витя. — Я всюречку прошел. Уже искупаться успела. Вода-то мутная.

— Вода светлая, — ответила Наташка. — Хорошая, только холодная.

— Где тут купаться-то, воробью по колено.

— Я дна не достала, — ответила Наташка. — Думала, ты тоже пошел купаться, а ты сухой.

Витя промолчал, потом чему-то улыбнулся. Наташка насторожилась, заметив его ухмылку. Она заподозрила, что Витя подсмотрел за ней. Такая игра не по правилам. Она сбегала с дороги к речке, проскочила под мостом на другую сторону, скрылась за кустами, осмотрелась и, убедившись, что вокруг мертво, ни души — на сколько видит глаз, — сняла с себя все и прыгнула в воду. Но когда она вышла к машине, то Витю увидела у дуба.

Нет, ее он видеть в воде и на берегу не мог.

Витя снова улыбнулся и покачал головой.

«Чего он разулыбался? — принялась ломать голову Наташка и вдруг догадалась, что он смеется над собой, что садился отдыхать под дуб, как садился под него когда-то Петр Первый. Наташка слегка улыбнулась, не стала выдавать, что она знает Витину тайну. Пусть он улыбается, беседует сам с собой. — Работает уже, а как маленький».

— Интересно, — заговорил Витя, — неужели правда был Петр Первый?

— А что, не правда? — спросила Наташка. — В истории написано. Вещи его все целы.

— Как они будут целы, когда их снашивают, — усомнился Витя.

— Когда помер-то, осталось что-то.

— Хоть, он царь — богато жил, — сказал Витя. — А вот под тем дубом он не сидел. В этом я ручаюсь. Зачем он туда мог попасть?

— Он по всей земле ходил. А тут он со шведами воевал.

— Откуда ты все знаешь? — удивился Витя.

— Мне папа книжки приносил.

— А-а, — протянул Витя. — Тогда можно поверить... Э-эх, а вот приедем мы на кордон поздно.

— Ты дорогу хорошо знаешь? — спросила Наташка.

— Сколько раз ездил, — ответил Витя и погнал машину быстрее и быстрее, стараясь нагнать упущенное время.

Кирилл Петрович вернулся из академии поздно, не в духе. Войдя в квартиру, хлопнул дверью так, что еще в двух комнатах захлопнулись окна. Он сразу же извинился перед женой и сестрой, Наташкиной тетей, которая жила с ними, доучивалась в университете.

— Лоботрясы, лентяи, нахлебники! — принялся он честить студентов. — Сколько светил сложило свои головы за преобразование природы, в прошлых веках, при царизме, а для них, кроме пресловутого плана преобразования природы...

— Кирилл, успокойся.

— Я потерял уйму времени, — стал оправдываться Кирилл Петрович, — чтобы заполнить их головы знаниями, до которых им с их «любопытством» никогда не докопаться. Ко мне на спецкурс приходило по три человека: уборщица, кочегар Коля — он провалился на вступительных — и медсестра. А чем занимались лесоводы, великие умы будущего? Теперь поставь им ради Христа зачет. Они, видите ли, то, другое...

— Много времени ты, Кирилл, потратил потому, что студентом сам мало посещал спецкурсы, как и твои студенты, — сказала Наташкина мать.

— Но так же тоже нельзя, — смиряясь, ответил Кирилл Петрович и взглянул на часы. — Ну, это все пустяки. Главное, наша Наташа теперь на месте. Скоро и Витя должен подъехать. Расскажет, как она устроилась.

— Вот уж обрадовал ты Аношина. Месяц если выдержит ее — век вспоминать будет, — сказала Наташкина мать.

— Они споются, — ответил Кирилл Петрович. — Александр Григорьевич найдет ей увлекательную работу.

— Сосны считать, — вставила Наташкина мать. — Кажется, она до тысячи еще в первом классе счет знала.

— Нет, в садике уже считала до тысячи, — уточнил Кирилл Петрович. — В первом классе она одолела миллион.

— Сумасшедший ребенок, — заключила Наташкина мать. — Я не думаю, что она теперь на месте.

— Ты не доверяешь детям, — возразил Кирилл Петрович. — Своему кровному ребенку не доверяешь. В тебе говорит ревность. Она больше любит меня.

— Она тебе кладет в карман бутерброд с маслом и селедкой, заворачивает в бумажку, а я потом ищи химчистки, где удалили бы масло с твоего нового костюма. Она, видите ли, забыла тебя предупредить об этом, а ты забыл, что это уже было не раз...

— Е-ле-на! — взмолился Кирилл Петрович.

— Да, ты об этом уже слышал. Ну, ужинать. Кирилл Петрович умылся и вышел на кухню. Его сестра Саша сидела за столом с толстой книгой, перебрасывая страницы, выискивала цитаты.

— В поисках живой воды? — спросил Кирилл Петрович. — Великие мысли всегда остаются великими.

«Лес — народное добро. Берегите лес», — сказала Саша.

— Новые слова вас не учат изобретать? — спросил Кирилл Петрович. — Наташа приносила из школы: «продлежка», «мати-матка», что-то было еще, кажется, «природка» или «травоежка».

— Для детворы достаточно остроумно, — отозвалась Саша. — Слова не новые породы деревьев.

— Всему новому должны быть новые наименования. Я сегодня просматривал диплом. Такая пустогладь, — сказал Кирилл Петрович.

— Что значит «пустогладь»? — спросила Саша.

— Написано гладко, но такая пустота. Ни единой собственной мысли, никаких потуг на малейшее открытие.

— Открытие в вашей области — дело случая, — возразила Саша.

— В нашей лесной чаще открытие — результат огромного труда, — ответил Кирилл Петрович и взглянул на часы. — Витя задерживается. По времени ему пора подъехать.

— Наталья где-нибудь сорвалась, сбежала от него, будет искать ее ночь напролет, — сказала мать. — Надо было проводить их.

— Взрослые вполне люди, самостоятельные, — ответил Кирилл Петрович, — доберутся сами. Дорога все же дальняя.

На тридцать третий кордон Витя приезжал зимой. У поворота к дому лесника, на развилке стояла огромная снежная баба. Кирилл Петрович приезжал со студентами собирать семена и слепил эту бабу. Теперь Витя гнал машину, не зная, как отличить нужную развилку от других. Есть ли там указатель?

По расстоянию кордон был близко. Но стало вечереть. В лесу потемнело. Витя притормозил у одного перекрестка, хотел свернуть, но забыл, вправо или влево сворачивал. Он остановил машину, посмотрел на дорогу, словно искал свои зимние следы, сказал:

— Не здесь. Похоже, дальше.

— И не там, — проговорила Наташка. — Похоже, ближе.

— Думаешь, ближе? — спросил Витя и сдвинул себе подбородок.

— Витю стало мучить сомнение. Он ломал голову: была ли у въезда на кордон развилка или перекресток?

— Витя, а ты сходи сперва, посмотри, куда нам надо ехать. Я подожду в машине, — посоветовала Наташка.

Витя резко пустил машину с места. Еще его будут учить? Он без учителей знает, как поступить. Развернувшись, Витя погнал машину назад, доехал до развилки, прокатился по лесной дороге. Дорога была уже заброшенной, поросла травой, в колдобинах отстоялась дождевая вода, попадались сухие цельные сучья, сбитые ветром с деревьев и не изломанные колесами.

— Не по той едем, — сказал Витя, но продолжал путь, ибо развернуться в лесу было трудно. — Время теряем.

— Время — золото, — изрекла Наташка.

— Это твой папа так говорит, — сказал Витя, сдерживая себя.

— Ага, — подтвердила Наташка. — Он говорит, что если приучить себя есть и спать на ходу, то можно стать сверхвеликим ученым.

— А зачем? — спросил Витя.

— Потому что ученых много на земле, а сверхвеликих ученых не было и нет.

Они выехали к старому карьеру. В огромном котловане зеленела ольха и сосенки с березками. Наташка выскочила из кабины и кувыркнулась вниз. Витя заглушил мотор, выбежал следом, закричал:

— Наташка, немедленно в машину! Я с тобой тут ночевать не собираюсь.

— Витя, грибы! — крикнула Наташка, нагибаясь. — Маслята и подберезовики.

Наташка разостлала косынку и складывала на нее грибы.

— Я поехал! — предупредил Витя.

— С приветом! — взмахнула Наташка рукой. Витя запустил мотор, развернулся, проехав над обрывом, остановил снова машину и долго-долго сигналил. Он смотрел в зеркало на карьер, заметил вдруг Наташкину голову, показавшуюся из ямы, отпустил педаль сцепления. Качаясь на колдобинах, машина поползла к дороге. Наташка спокойно выбралась из ямы, держа за углы косынку с грибами, направилась следом за машиной. Она думала, что Витя остановится и возьмет ее. Витя не остановился. Наташка закричала ему, пустилась вдогонку. Когда машина была близко, Витя прибавил скорость.

— Витя, Витя, ты меня забыл! — кричала она, гонясь за машиной. — Витя, подожди!

Витя решил проучить Наташку. Пусть пробежится до шоссе. Но машина въехала в разлившуюся в низинке лужу и заглохла. Витя поспешил завести мотор. Наташка припустилась изо всех сил. Стартер визжал на весь лес, но мотор не заводился. Не разбирая дороги, Наташка через лужу вскочила на подножку и плюхнулась на сиденье.

— Заглох, — сказал Витя. — Наверное, с питанием опять...

— Бутерброд скормить надо, — съязвила Наташка. — Грибы вот. Нежареные только.

— Из-за твоих грибов все это, — ответил Витя.

Он по крылу пробрался к мотору, но забыл открыть капот, попросил Наташку нажать рычаг. Наташка не поняла, какой рычаг надо нажимать, и куда его нажимать, и чем нажимать: руками ли, ногой ли, как делал Витя в пути. Она ступила на одну педаль, на вторую. Машина вдруг качнулась и

подалась назад, сползла в углубление колдобины.

— Что тут нажимать?.. — Наташка взглянула через стекло, а Вити уже не было на прежнем месте. Она высунулась из кабины: Витя сидел у переднего баллона в луже и глядел по сторонам, словно боялся, что его кто-нибудь увидит. Потом он встал с таким видом, как будто ему никуда не надо было ехать, ни за что не надо браться; он сделал все, что от него требовалось, — и свободен.

Витя был весь в грязи. Он обошел машину, посмотрел, глубоко ли сидят в колдобине баллоны. Отворив дверцу, с подножки нажал на стартер. Мотор разом завелся. Витя стянул рубашку с майкой, бросил в кузов. Из-за спинки сиденья он вынул ветоши, расстелил по сиденью и сел за баранку.

Наташка поглядывала на Витю, отворачивалась, закрывала лицо и фыркала в ладони. На шоссе Витя тоже стал улыбаться, потом рассмеялся и ткнул Наташку пальцем в бок...

Темнело, когда у шоссе показался человек и поднял руку, «проголосовал».

— Дудки, — сказал Витя и, делая вид, что не замечает ничего, проехал мимо вечернего лесного путника. — Посадишь неизвестно кого, а он, может...

— А чего он может? — спросила Наташка, не дождавшись от Вити заключительных слов.

— Бандит, может быть, какой, а его сажай, вези.

— Ограбит? — спросила Наташка.

— Вполне могут, — ответил Витя.

— Рубашку твою с майкой возьмет, потом брюки, — Наташка рассмеялась, — в грязи.

Витя взглянул в зеркало, сказал:

— Гонится, машет руками.

— Стой! Стой! — закричала Наташка. — Это же он, лесник нас встречает! Папа говорил, он будет ждать на дороге.

Витя остановил машину, выбрался на подножку, посмотрел и дал задний ход.

— Ой, сейчас встретят, а ты такой грязный, — сказала Наташка. — Запасных брюк не возишь с собой.

Александр Григорьевич подошел к машине, взглянул на Наташку, заговорил:

— Ну и шофера пошли. Жмет на все педали. А если у человека беда какая? Виктор, разве не узнал меня, мимо мчишься?

— Затемнело, не разглядел, — ответил Витя.

— Я с двух часов поджидаю вас, — сказал Александр Григорьевич. — Поздно выехали или в дороге задержка была?

— Рано выехали, — ответила Наташка. — Задерживались все время.

— Ну ничего. Теперь дома. Как там Кирилл Петрович поживает? Да, здравствуйте! Забыл за разговорами поздороваться.

Александр Григорьевич пожал Вите руку, спросил:

— Жарко было — без рубашки-то?

— Припекло, — ответил Витя с улыбкой. — В лужу свалился. Полез в мотор и...

— Ну, теперь ясно, почему я вас столько ждал, — перебил Александр Григорьевич. — Надо разворачиваться, ехать к развилке. Наташа, придется потесниться — буду показывать дорогу.

Дом Александра Григорьевича был большой, светлый. Под окнами в оградке росли высокие многолетние цветы, на поляне — жасмин, рябины; высокие, прямые сосны с редкими сучьями стояли словно большие зонты; дальше темнел лес.

Когда смолк мотор машины, из-за дома послышался лай.

— Ой, песик! — воскликнула Наташка и подалась за дом.

Там был длинный сарай, возле него стояла телега с сеном, на передке телеги лежал хомут. Ворота не были затворены, и казалось, что сарай тянется очень далеко и исчезает в темноте. Наташка вошла в ворота и увидела лошадь. Лошадь повернулась к ней, перекинула голову через слезы и тихо проржала, словно позвала к себе, чтобы сказать что-то очень важное, открыть какую-то тайну, известную лишь обитателям этих лесных мест.

Наташка подошла к лошади, погладила ее. Лошадь ткнулась ей в плечо, вздохнула и зашевелила мягкими губами, как будто стала на что-то жаловаться.

За сараем лаял пес, словно близко были лесные звери или чужие люди.

— Наташа, — окликнул Александр Григорьевич, — не подходи к Бесу.

Лошадь вздрогнула и отошла. Наташка отозвалась:

— Я тут. Я не подхожу.

Она вышла из ворот. Александр Григорьевич приложил руку к груди, проговорил умоляюще:

— Наташенька, нельзя так. Надо инструкцию получить, потом гулять.

— А я получила. Папа говорил...

— Папа, папа, — перебил Александр Григорьевич. — Со дня пребывания здесь папы многое изменилось. Ты должна, во-первых...

— Не подходить к песику, — перебила Наташка.

— Это раньше чем во-первых. Это минус во-первых, и не к песику, а к псу, к волкодаву, к людоеду. К нему ничья рука не прикасалась.

— Беденький, — вздохнула Наташка. — Никто не пожалеет его.

— Что? Что ты сказала? Смотри не вздумай жалеть. — Александр Григорьевич взял Наташку за руку и повел в дом. — Без моего разрешения никуда ни шагу. Понятно?

— Понятно, — вздохнула Наташка. — Ни одного шага.

Она остановилась у крыльца. Витя возился в моторе. Над дорогой показался месяц. Он был узенький, еле заметный, совсем молоденький. Казалось, он сбежал от взрослых, от того большого месяца, от самой луны, и пробирается теперь над лесом по верхушкам деревьев. Наташке захотелось остаться одной, смотреть на месяц, слушать голоса ночного леса.

Наверху в деревьях шарил ветер. Встряхнет то листву, то иголки в одном месте и перекинется дальше, словно большой ночной зверь ищет корм, сам лохматый, голова большущая, никак ему тихо не пролезть через ветки. К месяцу подплыли легкие облачка. Он обошел их и, так вообразилось Наташке, попрыгал с ножки на ножку дальше по небу.

Наташка отошла за куст жасмина и по дороге тихо направилась в сторону месяца. Сами собой зашептались слова:

— Месяц, месяц, возьми мою руку...

Она умела иногда сочинять стихи. Когда бывало скучно, какие-то слова появлялись и складывались одно с другим, строчка к строчке. Однажды увидел у нее листок со стихотворением отец, взял, обрадовался и унес на работу. Потом он говорил, что у них там грузчиком работает поэт и он показал ему стихи. Поэт сказал, что надо упражняться, писать каждый день, советовал попробовать написать о живом человеке, о водопроводчике или учительнице.

Те стихи были о бабочке. Наташка их забыла, но помнила, что какая-то цветная бабочка жила на полянке. Она была самая красивая и самая несчастная, потому что, когда солнце играло, цветы просыпались и птички радовались, бабочке становилось грустно и она плакала. Наташка тогда обиделась на поэта-грузчика.

Стихи она потом опять сочинила, но никому их больше не показывала.

Александр Григорьевич заговорил с Витей. Наташка остановилась и вернулась.

— Месяц, месяц, возьми мою руку...

Само выставилось, попросилось в стихи слово «излука». Наташка вспомнила, что значило это слово, и стала вплетать его в стихи.

— Месяц, месяц, возьми мою руку, я тебя поведу через лес... за излуку... бес...

Наташку позвали. Она откликнулась, поскакала легко к дому.

— Месяц, месяц, возьми мою руку, я тебя поведу через лес, поведу за речную излуку, где живет с бесенятками бес...

Александр Григорьевич стоял с Витей у крыльца.

— Прошу в дом. Хватит гулять. Пора ужинать, — сказал он и повел их за собой в дом.

Жену Александр Григорьевич назвал Верой. Наташка сразу сообразила, что она должна звать хозяйку тетей Верой.

— Приехали, — заговорила она. — А мне и выйти некогда. Пирог затеяла к вашему приезду. Мойтесь с дороги — и к ужину. Мои справили стол и убежали. Кино в Кутырях. Говорили, интересное.

Наташка осмотрела кухню. Тут ничего особенного не было. Только и заметила она на стенке у двери старое ружье.

— Наташенька, вот тебе полотенце, вот Вите, сказала тетя Вера. — Умывальник на улице. Саша проводи.

— Сами найдут. Витя знает где, — ответил Александр Григорьевич.

— Тебе нравится тут? — спросил Витя, подставляя руки под умывальник.

— Не знаю еще, — ответила Наташка. — Одной нравится. Я сейчас куда-нибудь пошла бы, через лес.

— Ночь кругом. Чего ты будешь в лесу делать? Рысь или медведь встретятся — что тогда?

— Познакомимся, — ответила Наташка.

Витя фыркнул, словно дунул во взятую в пригоршню воду.

— А ты встречался сам? — спросила Наташка. — фыркаешь так...

— Встречался. Тебе тоже не советую, — ответил Витя.

— Встречался, живой остался, — запричитала Наташка.

Витя отступил от умывальника. Наташка ополоснула руки, лицо. Пошли в дом.

Наташка была не совсем довольна, что ее положили спать в комнате, а Витю отправили на сеновал. Как ей казалось, она не хотела еще спать, думала, что сможет походить по лесу, но когда осталась одна в комнате, где пахло воском и было как под водой, когда откроешь глаза и светит солнце, она легла на кушетку и сразу уснула.

Проснулась Наташка от голосов под окном. Витя уже сходил в лес, набрал грибов. Наташка отвела занавеску. Солнце просвечивало через ветки деревьев. Выпала роса, и все блестело от влаги. Наташка обозлилась на Витю, что он ее не разбудил. Она тоже пошла бы за грибами. Теперь казалось ей, что в лесу делать уже нечего, если в нем кто-то ходил. Наташка не спеша стала прибираться, сворачивать постель, не зная, какими делами можно будет заняться после.

Прятать постель было не во что! Дома Наташка привыкла все комкать и запихивать в ящик, а вечерами вытаскивать все снова и расстилать.

Вошла тетя Вера. Она поздравила Наташку с наступившим утром, спросила, хорошо ли спалось, и, встряхнув постель, взбив подушку, застелила кушетку, словно хотела опять уложить гостью спать.

— Постельку будешь всегда оставлять на день такой, — сказала тетя Вера.

Наташка окинула взглядом комнату, не нашла ни одного стула, табуретки, спросила:

— Тетя Вера, а на чем я буду сидеть?

— Где сидеть? Когда? — спросила тетя Вера. — Здесь. Днем, если захочется посидеть? — ответила Наташка.

— У нас днем сидят только за обедом, — сказала тетя Вера. — Кто устанет — тому трава, пни. На дровах можно присесть. — Тетя Вера подошла к окну, сказала: — Женя, проводи Наташу на родник.

— Провожу, — ответил с улицы мальчишка. — Скорее только. Мне некогда.

— На родник?! — удивилась Наташка.

— У нас утром все умываются на роднике, — сказала тетя Вера. — Твой папа и зимой ходил туда.

— Папа, он чудак у нас, — ответила Наташка.

Ей не хотелось сразу менять свою жизнь, городские привычки. Она не любила, чтобы ее кто-нибудь обучал разным делам. И теперь какой-то Женя поведет ее к роднику, когда ни сам Женя, ни родник ей не нужны. Она охотнее умылась бы под умывальником, а на родник сходила бы потом, сама, сходила бы посмотреть.

Женька оказался чуть поменьше Вити. Был он патлатый, словно непричесанный, темный, какой-то лесной.

— Здравствуйте, — сказал Женька, когда Наташка подошла к нему.

Наташка лишь кивнула в ответ. К ней подошел от машины Витя, сказал:

— Ну, оставайся тут. Я поехал. Надо торопиться. Что сказать папке?

Слова его она пропустила мимо ушей.

— Ну ладно. Нечего передавать — я тронулся. Некогда мне...

К роднику сразу от дома шла тропинка. Наташка направилась следом за своим проводником. Витя принялся заводить мотор, расшумелся на весь лес. Впереди закричали дрозды.

— Прилетела, — сказал Женька. — Давно не пугали. — И крикнул: — Макарьевна, ба-бах будет!

Женька остановился, показывая на сосны, сказал:

— Во-он она. Ворона. Смотри ворону. За гнездами охотится. Ей говорили, что тут запретная зона...

— Вороне говорили?! — удивилась Наташка.

— Ага. Я ей в хвост стрелял, чтобы она тут не шкочила. Забывает.

— В хвост! — удивилась Наташка.

— Одно перо выстрелил, — сказал Женька. Ворона покричала и улетела. Тропинка повела их склоном в овраг. Женька пропустил Наташку вперед.

— Мы все до самого родника бегом скачем, — сказал он.

— И мне надо бегом? — спросила Наташка.

— Как хочешь. Мы привыкли.

— А ты учишься? — поинтересовалась Наташка.

— Да. В девятый перешел. В интернат пойду, — ответил Женька. — У нас тут только восемь.

Тропинка обогнула толстую низкую сосну и сошла ко дну оврага. Овраг был усыпан голышами. Вдали завиднелось синее небо и зеленый луг. Наташка думала, что тут лес и лес, никакого просвета нет в деревьях. На дне оврага из камней вытекал родник. Светлая, холодная вода бежала по камешкам

и скрывалась в густой траве.

— Вот тут умываться, — сказал Женька. — Назад ты одна пойдешь.

Наташка глянула вокруг, спросила:

— А звери тут есть?

— А, звери. — Женька махнул рукой. — Ты их не бойся. Они знают, что ты наша.

Женька выбрался из оврага и скрылся за деревьями. Наташка сбросила тапочки, ступила в воду и вскрикнула. От воды разом сковало ноги. Наташка запрыгала у родника. Сверху скатился испуганный Женька.

— Что? Змея? — спросил он.

— Вода ледяная.

— Вода-вода! Я-то думал, медведь испугал... Не кричи зря, нельзя, — вразумил Женька.

— Я не буду тут умываться, — заявила Наташка. Женька молча выбрался из оврага.

— Чудики, — сказала Наташка, наклонилась над родником и зачерпнула ладонью воду.

Кожу охватило сильным жаром. Наташка заспешила умываться, стала растирать лицо, шею, уши. Ей показалось, что она расцветает. Вода оказалась волшебной. Теперь она поняла, почему все бегают умываться на родник. Она растерла себя полотенцем и сделалась неощутимой, легкой как пушинка, словно ее не стало.

После умывания Наташке захотелось есть. Скорее отзавтракать и что-нибудь делать, куда-нибудь бежать, нестись, лететь. Она поспешно пошла к дому, стала придумывать песенку, но ничего с песенкой не получилось, помешал назойливый «Антошка».

То ли птицы пели, то ли деревья, то ли вызванивали насекомые — все это отзывалось в Наташке и она подпевала:

Тили, ти-ли...

Это мы не проходили,

Это нам не задавали...

У дома было тихо, как будто в нем никто и не жил. Молча залетали на чердак ласточки и выпархивали назад через раскрытое окно. Наташка решила, что все куда-то разошлись и теперь самое время обследовать все вокруг, рассмотреть всех, познакомиться. Она свернула с тропинки за сарай, направилась к Бесу.

— Э-эй, к шабаке нельзя, — проговорила суковатая сосна, лесным сосновым шумом.

Наташка осмотрела сосну. На сосне никого не было, но она ответила ей:

— А я и не к собаке. И нечего караулить. Человечек вышел из-за сосны. Волосы на нем стояли торчком, были от головы темные, потом белые, выгоревшие, и волосинки казались толстыми.

— Беш тебя ищет вшю, — прошумел чудненький человечек.

— Ты кто? — спросила Наташка.

— Я мальчик, — последовал ответ.

«Как зовут-то, — удивилась Наташка, — Ямальчик! И не запомнишь».

— Ямальчик, а сколько тебе лет? — спросила она.

— Не жнаю, — ответил человечек Ямальчик.

— А что ты делаешь? — спросила Наташка.

— Папка не велел тебя пушкать к Бешу, — ответил Ямальчик.

— А где твой папка? — спросила Наташка.

— На лаботе.

— Давай вместе посмотрим Беса? Папка не увидит, — предложила Наташка.

Не, — закачал головой Ямальчик. — Он увидит. И мамка жалугаетша.

Ямальчик был жалкий. Он очень честно исполнял наказ отца не пускать ее к Бесу. Наташке показалось, что, если бы она настояла на своем, пошла к собаке, Ямальчик заплакал бы.

— А ты знаешь, кто я есть? — спросила Наташка.

— Жнаю, — ответил Ямальчик. — И Мамка, и папка шкажали: ты — девочка.

— Я Наташа, — сказала она. — Ты не умеешь говорить. Хочешь — я тебя научу?

— Хочешь, — согласился Ямальчик и добавил с обидой: — Я умею говолить. Ты не умеешь.

— Ой! — воскликнула Наташка. — Я совсем забыла. Мама вам гостинцев прислала. В чемодане лежат. Пойдем скорее — дам тебе чего!

Оказалось, что Витя еще не уехал и не торопился с отъездом. Он сидел на корточках у разостланной газеты, разбирал какую-то деталь. Тетя Вера стояла вблизи, горестно наблюдала за его действиями.

— Витя, ты тут?! — удивилась Наташка.

— Кар-бю-ра-тор, — протянул Витя. — Не везет на этот раз.

— А на этот везло? — спросила Наташка.

— Ладно, ты занимайся своими делами. Мала сюда нос совать, — ответил Витя.

— Подумаешь! — гордо отозвалась Наташка и взяла мальчишку за руку: — Пойдем, Ямальчик, гостинцы есть. Пускай он тут копаются.

— Пушкой копаеша, — повторил Ямальчик и пошел за Наташкой.

Если бы не пришел Александр Григорьевич, Витя разобрал бы весь мотор. Когда люди, что-нибудь делая, спешат, переживают, то все у них валится из рук. Витя только вздыхал. Он потратил из аккумуляторов ток, крутил мотор рукояткой. Тетю Веру сажал в кабину и учил, как надо поддавать газ, когда мотор зафырчит. Тетя Вера то опаздывала, то опережала. Витя рукавом обтирал потный лоб, смотрел на часы и нервничал. Тетя Вера тоже вздыхала, сокрушалась, что она не может помочь ему завести машину.

— Так я и знал, — проговорил Александр Григорьевич, выйдя из леса на дорогу. — Витя встал на капитальный ремонт. Что тут?

— Все барахлит, — ответил Витя. — Списывать пора, а я на ней раскатываю.

— Покатайся еще, покатайся, — сказал Александр Григорьевич и стал осматривать мотор. — Посмотрим, может быть, что получится.

Наташка устроилась со своим подопечным на крыльце и кормила его конфетами.

Машина скоро завелась. Витя уехал. Александр Григорьевич подошел к крыльцу, остановил взгляд на сынишке, просил:

— Ну что?

Ямальчик спрятал конфету в руке за спину, надулся и, помолчав, сказал:

— Она не ходила к Бешу. Она только хотела...

— Наташа, я еще раз говорю, что Бес самая опасная собака. Не знаю, что будет, если ты приблизишься к нему. Это ужасно!

— А посмотреть можно его? — спросила Наташка. — Мне хочется посмотреть.

— Любопытство одолевает? Что же, посмотри, разрешил Александр Григорьевич. — Пойдемте.

Бес лежал в отдалении от конуры, положив голову на сложенные крест-накрест лапы. Он был черный, лохматый, неухоженный. Издали видно было, что он заметил их, открыл злые глаза, оскалил пасть.

— Разорвет, — сказал Александр Григорьевич. — Сразу разорвет. Сделает прыжок — за горло! Он не одного уже покусал. Находились смельчаки приручить его. Были гипнотизеры-самозванцы... Я хотел было пулю в него послать — жалко. Он все же умный пес.

На Наташке был красивый халатик. Пес приподнял голову, сел на задние лапы, засмотрелся на незнакомку.

— Молчит что-то, — проговорил Александр Григорьевич. — Видно, на новом месте натосковался.

Наташка выступила вперед. Александр Григорьевич взял ее за плечо. Пес рванулся, поднялся на цепи на задние лапы, захлебнулся лаем.

— Взбесился. Видала теперь, какой он страшный? — сказал Александр Григорьевич.

— Не страшный, — ответила Наташка.

— Ах, ты еще смеешь утверждать! — возмутился Александр Григорьевич. — Я, по-твоему, не знаю своего пса. Он вырос на моих глазах... Вы завтракали? Сейчас же за стол. На работу пойдем.

Пес заскулил, когда они пошли к дому.

— Ему скучно, — сказала Наташка, оглянувшись.

— Идем, идем. Не останавливаться, — сказал Александр Григорьевич. — Позавтракаете — пойдем с тобой к озеру, покажу папкину работу. Делом займемся.

— Я не хочу завтракать, — ответила Наташка.

— Конфет наелась, — сказал Александр Григорьевич.

— Одну только, — призналась Наташка.

— А я тли, — сказал Ямальчик.

— Наказывать буду, — пригрозил Александр Григорьевич и сказал тете Вере: — Мать, Наташе с собой обед сготовь. Мы с ней пойдем по кордону...

Александр Григорьевич шел в задумчивости, шел ровным шагом. Наташка то забегала вперед, то пристраивалась сбоку, то следовала сзади. Она поняла, что не умеет ходить пешком. Она наступала на концы полегшей волокнистой травы, спотыкалась. Александр Григорьевич ничего не говоря, улыбался.

Они подошли к большой срубленной осине, в которой были вырублены корытца. В корытцах лежали желтые глыбы.

— Ой, — сказала Наташка, — срубили. Зачем они ее?

— Это Женькина работа, — ответил Александр Григорьевич.

— Нашего Женьки! — удивилась Наташка.

— Он потрудился, — с улыбкой ответил Александр Григорьевич. — Это для дела надо. Солончак для лосей.

— А где Женька сейчас? — спросила Наташка.

— Работает в лесу. Сушняк вывозит к озеру. Лес чистит и топливо рыболовам заодно готовит, чтобы лес не портили.

— Они портят? — спросила Наташка.

— Бывает. Я сообщал отцу, что семенную сосну свалили. Это какие-то случайные хулиганы. Настоящий рыболов не станет гадить у воды. Словим мы их, обязательно словим. Они здесь с сетью были к тому же.

Александр Григорьевич вывел Наташку на большую поляну с молодыми, веселыми сосенками. Все они были в ее рост. На их макушках уже отросли длинные новые побеги. Из сосенок взлетели две рябые птицы, затрещали, как в трещотки, то ли клювами, то ли крыльями.

— Это куропатки? — спросила Наташка.

— Нет, тетерева, — сказал Александр Григорьевич. — А вот и наша пострадавшая.

Огромная сосна лежала на земле. Вершина ее упала в лес, в сосны, и была не видна Наташке. Она посмотрела в небо и вспомнила фотокарточку, висевшую у отца в комнате. Высокая-высокая сосна поднялась в небо и там остановилась, расставила ветви, словно большой зонт. Вокруг нее было небо с белыми облаками. Наташка подумала, что отец фотографировал сосну лежа, потому что очень она получилась высокая.

Вокруг пня была утоптана хвоя, перемешана с песком. Пень плакал. Из-под коры вытекла янтарная смола и застыла каплями и нитями. Ствол тоже пробил смола. Сосна умирала.

— Хоть бы что-нибудь оставили, — со вздохом проговорил Александр Григорьевич и осмотрел утоптанное у сосны место.

— А зачем это? — спросила Наташка.

— Помогло бы найти преступников, — ответил Александр Григорьевич. — Они веселились в определенном месте. Надо будет нам сообща осмотреть все еще раз. Не может быть, чтобы никаких предметов они не оставили.

— Александр Григорьевич, а какие предметы нужны? — спросила Наташка.

— Все-все. Бутылки, банки, коробки, билеты.

Наташка решила во что бы то ни стало найти что-нибудь, принялась сразу осматривать траву, сосенки. Перед глазами замелькали сучки, сосновая кора, то красная, то желтая, шишки. До этого она ничего не замечала.

Озеро оказалось близко. У воды стояла подвода. Женька с берега ловил удочкой рыбу.

— Для тебя старается, — сказал Александр Григорьевич. — Решил свежей рыбой угостить.

По берегу был разложен кучками сушняк. По лесу у озера проходила пропаханная полоса. Женька выхватил из воды серебристую рыбку, снял ее и бросил в озеро.

— С уловом, нет? — спросил Александр Григорьевич.

— Два подлещика, — ответил Женька недовольно.

— Хватит. На вечерний клев можно будет сходить на ямы, — сказал Александр Григорьевич. — Русю не встречал?

— Там все. Такая же, — ответил Женька. — А, я вот что нашел.

— Женька вынул из кармана медяшку, подал отцу. Александр Григорьевич принял находку, осмотрел ее. Это была пуговица с двуглавым орлом.

— И еще, — сказал Женька и показал черный штырек. — Ручка со спиннинговой катушки.

— Рыбаков тут много перебывало, — сказал Александр Григорьевич. — А вот царские пуговицы могут сейчас носить только определенные личности. А вообще и эту штучку прибережем.

Наташка была довольна своим походом с Александром Григорьевичем. Он показал ей молодые сосенки, выросшие из семян срубленной сосны, потом большие, потом лиственницы, потом карельскую березу, потом дубы, клены, ясени, липы, осиночки. Он показывал ей птичьи гнезда, звериные норы. Лес был полон разных ягод: морошки, черники, клюквы на болотах за озером, малины по старым, оставшимся с войны окопам и блиндажам. Но ягоды были еще зеленые.

Вечером у Наташки в ушах стоял шум леса, птичьи голоса, треск веток. От всего этого и от ходьбы она устала и была тихой, задумчивой, но после вечернего чая с какой-то душистой лесной травкой она расхотела спать и попросилась погулять.

Месяц снова взошел над лесом. Он стал шире и ярче, плыл по своему пути смелее и радостнее. Наташка села на скамеечку у дома, вспомнила о Вите. Он вернулся в город, рассказал отцу, как они доехали до кордона и что ей понравилось у лесника, — все началось хорошо, беспокоиться не о чем.

В доме заговорило радио, послышалась музыка. За сараем проскулил Бес, словно музыка разбудила его и разжалобила. Наташке стало жаль одинокого пса. Ночь наступает, а он в лесу, на цепи. Не побегать ему.

Наташка встала и ушла в свою восковую комнату, сказала, что будет спать. Она и вправду улеглась в постель, но не уснула, дождалась, когда Александр Григорьевич заглушил радио и выключил свет, по звуку шагов поняла, что он отправился спать, вскочила с постели, нашла в чемодане пряники с конфетами, набросила халатик и через окно осторожно выбралась из дома.

Под окном был насыпан мелкий песок. Он сразу засыпался в тапочки. Потом от травы ноги обмочило росой. Наташка не обратила на эти маленькие

неприятности внимания, осторожно пробралась в сарай к лошади, подозвала ее шепотом и накормила пряниками. Ей не хотелось уходить от лошади, на прощание она заплела ее гриву в косички, поцеловала и, выйдя из сарая, направилась к Бесу.

Сосны перед домом были освещены месяцем. Ночь пряталась в лесной гуще, вдали от дома. Но в овраге лежала темень, и там, где был привязан Бес, стояла густая тьма. Наташка выбрала полоску света, падающую от дома в прогале между деревьями, и по ней направилась к конуре. Промелькнуло что-то в воздухе, показалось, что пролетела бабочка. Она посмотрела вверх и увидела снова такую же черную бабочку. Потом пролетела еще одна и еще. Все они садились на низкую, густую сосну. Наташка хотела посмотреть на них, но звякнула цепь, и она пошла дальше, ближе к Бесу.

Бес бросился на Наташку без лая и рычания. Он лишь заскулил, когда ошейник передал ему горло, словно пожаловался на боль.

— Бедненький, Бесик, — заговорила полусшепотом Наташка, — не пускают тебя никуда. На вот тебе конфетку.

Пес настороженно смотрел на Наташку, молча раскрывая и закрывая пасть. Ночь посветлела. И Наташка видела его белые клыки. Она развернула конфету, бросила. Бес схватил ее на лету, хрюкнул и, не сводя с Наташки глаз, засеменил передними лапами и вильнул хвостом.

— Сладкая, Бесик? Сейчас я тебе еще дам. Ты хороший песик, самый умный и самый красивый.

Вторую конфету Бес не разгрыз. Он лег, выложил ее из пасти на передние лапы и стал лизать.

— Ты ешь сразу, — сказала Наташка. — Я тебе еще дам. Ешь, Бесик.

Наташка с развернутой конфетой стала подходить к Бесу. Он поднял голову, зарычал.

— Боишься — отберу? Не бойся, — сказала Наташка и подождала, когда пес управился с конфетой.

Наташка решила подойти к Бесу. Она оглянулась на дом. Никого не было видно. От боязни забилося сердце. Наташка присела на корточки. Пес завилял хвостом и посмотрел на нее боком, одним глазом. Наташка направилась к нему гусиным шагом. Она слышала, как пес дышит, как хрипит у него в пасти. Чтобы не видеть его, она закрыла глаза, затаила дыхание, приподнялась и шагнула к Бесу, держа в вытянутой руке конфету.

Горячей пастью обжег Бес Наташке руку, царапнул больно, как показалось, клыками по кисти.

«Сейчас откусит, — подумала она, — сейчас...»

Наташка открыла глаза. Пес, задрав голову, смотрел на нее. Ей показалось, что она простояла с закрытыми глазами очень долго, что уже прошла ночь, проснулся Александр Григорьевич.

— Бесик, — прошептала Наташка и отступила. Сердце у нее отходило, билось ровнее. Пес лизнул ее руку, словно попрощался, но погладить его Наташка побоялась. Она отступила от него дальше, пошла к дому. Бес смотрел на нее. Наташка решила подойти к сосне, на которую садились черные бабочки. На толстом нижнем суку висели темные комочки. Вдруг они отпали и разлетелись.

— Летучие мыши! — удивилась Наташка. Мыши облетали дом, снова цеплялись на сосну, отпадали, снова делали облет. Наташка стояла с поднятой головой. Вдруг зашуршала трава. Она обернулась. К ней подходил Александр Григорьевич.

— Наташа, что случилось? — спросил он. — Почему ты не спишь, сбежала через окно?

— Я ноги забыла помыть, — сказала Наташка. — Легла и вспомнила.

— Помыла? — спросил Александр Григорьевич.

— Дочиста, — ответила Наташка и поспешила заговорить Александра Григорьевича, отвлечь. — Птички какие-то летают. Это настоящие?

— Это игрушечные живые летучие мыши, — ответил Александр Григорьевич и скомандовал: — Спать! Все разговоры на завтра.

Наташка поспешила в комнату, закрыла за собой окно и, натянув на грязные ноги гольфы,

спряталась под одеяло.

Всю ночь тревожно выл Бес, никому в доме не давал спать. Александр Григорьевич вышел с плетью и отстегал его. Но лишь под утро он замолк, запрятался в конуру.

Наташка не выспалась. Можно было доспать утром, но помешало яркое солнце, желтый комнатный свет встревожил ее, поднял. И все равно она не попала к завтраку вместе со всеми.

— Пес сдурел совсем, — сказала тетя Вера. — И что с ним случилось? Уж не бешенство ли?

— На цепи ему надоело, наверное, — сказала Наташка. — Побегать всем хочется.

— Нет, он у нас не из таких, которым надо бегать, — ответила тетя Вера. — А ты вчера набегалась тоже, в гольфах уснула. Или холодно в комнате?

— Немножко холодно, — сказала Наташка. — Я окно растворила на ночь.

— С раскрытым окном, поди, собачий вой вовсе покоя не дал.

— Нет, я ничего, — ответила Наташка. — Я... я спала. Тетя Вера, а где ваши мальчишки?

— Женька с отцом в лесу. Бобка спит. Всегда рано просыпался, — сказала тетя Вера. — Придется нам без него в Кутыри идти.

— А что в Кутырях? — спросила Наташка.

— В магазин за товаром пойдем, — ответила тетя Вера. — Продуктов подкупим.

— А если Ямальчик проснется, ой, Бобка?

— Бобке мы завтрак оставим — он тут сам справится, — ответила тетя Вера. — А мы ходим с тобой. Посмотришь наши Кутыри. Клуб там, почта, больница. Село большое.

— А далеко туда? — спросила Наташка.

— Болото пройти — за лесом.

Ямальчику-Бобке оставили два вареных яйца, молоко с булкой, печенье. Перед уходом тетя Вера спросила:

— Наташенька, письмо домой не будешь отсылать?

— А у меня нет письма, — ответила Наташка.

— Напиши. Я Бесу корм снесу. Ты за это время успеешь написать.

— А что писать? — спросила Наташка.

Напиши, что доехали хорошо, что здесь тоже все в порядке, что к Бесу ты не подходишь. Приветы от нас.

Наташка послушалась, села писать письмо. Она успела отвыкнуть от ручки. А тут ручка была какая-то самодельная, вся в кривулинах, сделанная из корня. Наташка настроилась и начала писать:

«Здравствуй папа! Ехали мы кое-как. На улицах попадались кирпичи. Витя не переезжал их, кружился по всему городу. У него нет никакой памяти. Мы потом за городом чихали и голосовали. Хорошо, что милиционеры есть толковые. Еле добыли бензину. Купалась в речке, а Витя сидел под тем дубом, как Петр Первый. И еще свалился в грязь, стал, как поросенок. Нас накормили и меня закрыли в отдельную комнату, как в тюрьму. Окно и то не велят отворять, чтобы ходить мыть ноги. Вчера и не мыла их и спала в гольфах: а то простыня запачкается. Дома никого нету, и приветов вам никто не передает. А Беса я теперь буду звать по-другому. Я его хочу назвать, хочу назвать, не знаю, как хочу. А, придумала. Ангелом. Он не кусается. Только полизал мне руку. И никто про это не знает. Еще я познакомилась с лошастью. Она тоже симпатичная. Только, папа, ты никому не говори про это. И маме. Ангел и тебя не будет трогать. Он добрый. Вчера ходила по лесу. Сосну твою видала срубленную. Мы их поймаем. Нашли орла царского на пуговице. Женька нашел. Мы с тетей Верой уходим в Кутырьму.

Н».

В Кутырях на почте Наташка написала на обратной стороне конверта: «Присылайте конфет. Побольше. Хороших. Мне нужны». Она опустила письмо в почтовый ящик и направилась к магазину, где ее ожидала тетя Вера.

В магазин привезли продукты. Тетя Вера ждала, когда продавщица примет товар и станет торговать. У Наташки дел не было. Тетя Вера сказала:

— Наташа, погуляй пока. Клуб посмотри. Здесь речка внизу. Только без меня не купайся.

Клуб был рядом с магазином, окружен кустами и старыми деревьями. На дверях висел замок. Сразу за клубом виднелись кресты и могильные ограды.

Наташка поняла, что рядом кладбище, направилась к могилам.

Она прочитала несколько надписей на бронзовых и никелированных дощечках. Фамилии, имена, годы рождения и смерти.

В отдалении из-за ограды вышли мальчишки с банками и бутылками. Двое были с нее ростом. Другие поменьше. Большие выбрали памятник и принялись разбивать о него посуду.

— Э, вы! Что делаете? — крикнула Наташка и направилась к ребятам.

Они взглянули на нее и продолжали атаковать памятник. Наташка подбежала к ним. Малыши отошли в сторонку. Очень воинственным, наверное, показался им вид этой незнакомой девчонки. Наташка встала перед главарем. Спросила:

— Чего хулиганишь тут?

— А тебе что? Хозяйка...

Наташка залепила ему пощечину. Он рванулся назад, споткнулся и головой угодил в могильный холм. Наташка лишь шагнула к нему — он вскочил уже на ноги и, шарахнув через могилу, оступаясь в провалы, пустился за остальными прочь от нее.

Наташка ушла с кладбища. В городе она ходила с родителями на дедушкины и бабушкины могилы, где было тихо и чисто и все люди там бывали грустные. И никто не хулиганил.

Наташка вернулась к магазину.

Когда они шли домой, Наташка заметила, что мальчишки преследуют их. Те двое собрали уже целую толпу. Но что-нибудь сделать они побоялись при тете Вере.

Через три дня Александру Григорьевичу пришла телеграмма «Молния». Почтовый ящик лесника висел у поворота с шоссе. Там оставлял почтальон газеты и письма. Телеграмм в лесу никогда ни от кого не получали. Когда же была доставлена «Молния», в доме переполошились. Телеграмму привезла дочь почтальона Лиза. Она подкатила к крыльцу на велосипеде. С ней была подружка. Лиза бросила велосипед и вбежала в дом.

— Дядя Вера, тетя Саша, мам волния, — сообщила Лиза, перепутав все от спешки.

Александр Григорьевич взял телеграмму, осмотрел ее, покачал головой.

— Что разглядываешь — читай.

«ПУСКАТЬ АНГЕЛУ ШУСТРЕНКУ ТЧК ЗАПРЕТИТЬ КУТЕРЬМУ ТЧК БЕРЕЧЬ ОРЛА ТЧК ЕДУ СРОЧНО — КИРИЛЛ»

Александр Григорьевич, держа телеграмму в руках, перевел взгляд на тетю Веру. Она смотрела на него, ничего не понимая, не находя слов. Казалось, они так долго смотрели друг на друга. Всем стало жутко. Наташку при этом охватило слегка холодком. Она вспомнила свое письмо, в котором дала новую кличку Бесу, вспомнила, что Витя в городе назвал ее сестренкой, а отец это перевел на шустренку, обещал называть ее Шустренкой. Писала она и о пуговице с царским орлом, а еще, что с тетей Верой идет в Кутыри, только она ошиблась, назвала их Кутырьмой. «Пускать Ангелу» значило «не пускать». Так пишут, чтобы не платить лишнюю копейку за «не», и читать надо телеграммы наоборот.

— Дядя Саша, а куда вы орла дели? — спросила Лиза.

Александр Григорьевич перевел на нее взгляд, будто не узнавая.

— Это не живой орел, — сказала Наташка. — Это пуговица с царским орлом. Женя нашел...

Теперь Александр Григорьевич посмотрел на Наташку, затем на сыновей и снова перечитал вслух телеграмму и сказал:

— Академик сочинял. «Молнию» накатал. Грома только многовато. Гром среди ясного неба. Богов, ангелов вспомнил. Развел Кирилл кутерьму и едет на квадратных колесах. Лиза, чай с нами пить.

— Меня ждет Валя там, — ответила Лиза.

— Позвать и Валю. Я вчера мед доставал. А ну, Женька, пригласи Валю.

Александр Григорьевич решил забыть о телеграмме. Кирилл со своими науками, наверное, что-нибудь раскопал интересное, скоро вовсе чудачком станет. Попробуй догадаться, что у него в ученой голове, какие мысли бродят. Прикатит, тут за чаем и объяснится, что к чему.

— Что делать-то? — спросила тетя Вера.

— Чай, чай пить, — ответил Александр Григорьевич. — Самовар давно затих, не поет.

— Будем пить чай, — сказала тетя Вера. — А с телеграммой-то что делать?

— Я думаю, — заговорил спокойно Александр Григорьевич, — надо выстругать можжевеловые палочки, связать в рамочку и поместить эту весть за стекло.

— Шутишь, — сказала тетя Вера. — Человек посылал... Зря телеграммами никто не будет играть. Уж, что-нибудь там случилось.

— Случилось, — подтвердил Александр Григорьевич. — Едет академик, то есть товарищ ученый академик к нам на свежий медок. Будем встречать. Да, надо на всякий случай подготовить спальни. Студентов, поди, привезет. Женя, завтра летнюю кухню приведи в порядок. Котлы перемыть, трубу почистить.

...От чая с медом было жарко. Мед стоял перед каждым в стаканах. Все пили спокойно, мед брали кончиком ложечки. Лишь Ямальчик-Бобка окунал в мед хлебную корку, вынимал ее,

вспузырившуюся от меда, и облизывал. Он был весь в меду, липкий, со склеившимися волосами. Девчонки посмеивались. Александр Григорьевич подмигивал им, чтобы не обращали на Бобку внимания, дали бы ему управиться с медом. Бобка отложил корку и выпил мед через край. Девчонки удивленно переглянулись.

— Еще будешь, Бобка? — спросил Александр Григорьевич.

Бобка поднял голову, посмотрел на всех и сказал:

— Буду потом.

— Тогда иди гулять. Можешь в сене поваляться, — сказал Александр Григорьевич. — Герой двадцатого века.

Девчонки отчаевничали, дружно встали из-за стола. Александр Григорьевич и тетя Вера не хотели отпускать их домой, надеялись, что подружатся они с Наташкой и потом будут встречаться.

Сдружиться сразу девчонки не могли. Наташка стеснялась их, а они ее, и не знали, о чем разговаривать. У Наташки на дне чемодана лежала кукла, которую ей прислали из Франции, — были в гостях французские ученые, уехали и прислали куклу, — но показать ее девчонкам она не решилась, побоялась, что сочтут за маленькую, раз возится с куклами. Они пообещали приехать к Наташке днем, звали и ее к себе, но толком не договорились, кто в какое время к кому пойдет.

Девчонки укатили на своих велосипедах. Александр Григорьевич с Женькой вышли стоговать сено и взяли с собой Наташку. Они включили яркий свет, позвали Бобку, но он не отозвался.

— Сын, выбирайся. В прятки играть некогда, — сказал Александр Григорьевич. — Будем складывать сено.

Бобки не было. Его стали искать. Женька с Наташкой полезли по сену, утопая в ямах. Александр Григорьевич обходил вокруг, приговаривал:

— Уснул, бродяжка. От меда сонливость напала. Найдем ли еще? Вилами в таком случае не поработаешь. — Он смотрел на небо. Звезды были тусклые и редкие. — Так оставить сено — дождь может к утру собраться.

Наташка вдруг взвизгнула. Она наступила в одной ямке на что-то теплое и мягкое. И Женька вытащил на свет Бобку. Все его лицо было облеплено сеном, пухом. К голове тоже приклеились сухие травинки, а руки были словно у первобытного человека, как будто в волосах. Вышла тетя Вера, взяла на руки сыночка и запричитала:

— Горюшко мое, горюшко. Сморился. Рабочничек мой, самый ценный. Ангел мой...

— Ангел, ангел, — повторил Александр Григорьевич. — Не о нем ли Кирилл Петрович там, в телеграмме своей? Пускать его. Как там, шустренке? Это куда же? Нет-нет, надо додуматься. Додумаемся, Кирилл Петрович. Своей головой дойдем... Ну, ребяташки, а пока за сено.

Поздним вечером на берегах озера загорелись костры. Из города наехали рыбаки, устроились на ночлег. Наташке предстояло обойти всех, присмотреться к каждому. Не окажется ли среди них человека с необычными пуговицами на одежде. Наташка с фонариком и детским сачком направилась вдоль берега. Александр Григорьевич шел лесом, поодаль, по пропаханной полосе.

Первым на берегу озера встретился Наташке толстый дядька в брезентовой куртке с белыми алюминиевыми пуговицами. Он накачивал резиновую лодку. Осмотрев его с ног до головы, Наташка сказала: «Здравствуйте» и спросила:

— Ой, дяденька, а что это у вас будет такое?

— Драствуй, — ответил рыбак, нажимая ногой на насос из двух дощечек. — Это будет лодка, плавать по водичке. Рыбку ловить с нее.

— А вы один тут? — спросила Наташка.

— По берегу народа много. Разный народ, — ответил рыбак и тоже спросил: — А ты кого-нибудь ищешь?

— Нет, — ответила Наташка. — Это я так спросила, ну... чтобы узнать: а вы не боитесь ночью?

— Чего же тут бояться? — сказал рыбак. — Зверь не тронет, а народ больше тихий. Свой рыбак. Правда, неделю назад появились тут транзисторники. На этот раз не слышать. Скучные им тут места.

— А они кто? — спросила Наташка.

— Откуда знать, кто они. Какие-нибудь недоучки. Порядочный человек на природу музыку не поволочет. Тут своя, живая музыка.

— А вы их не видали? — спросила Наташка.

— Ночью появились, ночью и смотались. Не подходил к ним. К таким одному нельзя приближаться, — ответил рыбак.

Было еще светло. Наташка заметила Александра Григорьевича. Он махал ей рукой, торопил идти дальше. Она попрощалась с рыбаком и пошла вдоль озера.

Александр Григорьевич отозвал Наташку в лес, спросил:

— Наташа, что-нибудь прояснила?

— Дядька этот слышал, когда тут были хулиганы. Только он их не видал.

— Дело вот в чем, Наташа, — сказал Александр Григорьевич. — Так мы к утру не обойдем рыбаков. Надо быстро пройти, присмотреться. Там, где подозрительные людишки окажутся, дать мне сигнал.

— Ясно, — ответила она и пустилась берегом. Подозрительных она не обнаружила. Люди были все серьезные, занятые приготовлениями к рыбалке, а некоторые сидели с удочками, всматриваясь, словно близорукие, на поплавки в темноте.

На Наташку рыбаки смотрели словно на лесное чудо. Им не приходилось здесь видеть таких юных рыбаков, да и девушек, женщин на рыбалке не бывало. Она свернула в лес, сказала Александру Григорьевичу о своих наблюдениях и спросила, почему он сам не пошел к рыбакам.

— Есть у меня такое правило, меньше знаться в лесу с людьми. У меня характер добрый, — сказал Александр Григорьевич. — Когда каждый будет видеть во мне своего человека, не будут бояться, а без этого нам еще нельзя, не каждый умеет к лесу хорошо относиться... Ну, а вторично нам придется понаблюдать за рыбаками ранним утром. Заметим, кто проспит рыбалку — тот на развлечения приехал. Сейчас к дому — отдыхать.

Ночью Наташке снилась буря. Как будто повалило все деревья, снесло в овраг будку Беса, его вымочило ливнем. Казалось, сверкали молнии и гремел гром. Она была одна в лесу в такую жуткую непогоду. Беса от нее отрезал ливневый поток. Она кричала, звала на помощь, но ей никто не отозвался...

Когда Наташка проснулась, то в комнате было темно, а за окном стоял непрерывный шум. Она выглянула в окно. Небо было в тучах. Моросил обложной дождь. С деревьев капало, и ручейками сбегала по желобам вода с крыши. На чердаке кто-то разговаривал, казалось, бубнил бесконечно кто-то, недовольный погодой. Наташка подумала, что сегодня делать ей нечего будет, снова забилась под одеяло.

Вечером туч на небе не было, а дождь вдруг пошел. Наташка вспомнила, что утром она должна была идти с Александром Григорьевичем на озеро, но в дождь вряд ли он пойдет куда-нибудь из дома. Она вспомнила сон, решила, что приснилась ей буря лишь потому, что со двора слышался шум дождя.

Спать Наташка не стала. Она снова выглянула в окно, посмотрела, нет ли поваленных деревьев. Деревья тихо стояли под мелким дождем, отдыхали. Недолго думая, Наташка выбралась через окно и направилась к Бесу. Надо было посмотреть, как он живет-поживает в такую погоду.

Бес лежал в конуре, спал. Передние лапы свисали из конуры. Наташка подошла осторожно, присела на корточки и погладила одну и вторую лапы. Пес жалобно проскулил во сне. Наташка осмелилась и погладила ему ухо. Боясь попасться кому-нибудь на глаза, она оставила Беса, лишь одним глазом посмотревшего на нее, убежала на родник.

Наташка забыла, что выбралась из комнаты через окно, направилась от родника к крыльцу. Она шла в задумчивости. Смотрела под ноги и вдруг перед собой увидела машину. Машина была Витина, как будто он и не уезжал со дня ее приезда на кордон. В кабине сидел Ямальчик, подпрыгивал на сиденье, воображал себя едущим по ухабистой дороге. Он дал сигнал. С крыльца тетя Вера крикнула ему не шуметь. Наташку она встретила с изумлением, спросила:

— Наташенька, а ты откуда?!

— Я с родника, — ответила Наташка, тоже удивившись, почему у нее об этом спрашивают.

— А как ты на родник попала, когда прошла, где? Я все время тут копаюсь. Или проскочила, когда я в подпол спускалась?

— Да, я проскочила, — ответила Наташка. — Я заторопилась, думала, что нам идти к озеру.

— Непогода зашла, озеро отставили. И папка приехал. Видалась с ним? — спросила тетя Вера.

— Нет еще, не виделась, — ответила Наташка. — А где он?

— В чердачной комнатке. Все утро, как явились, споры там ведут. В дождь что еще делать. — Тетя Вера начистила таз картошки, позвала Женьку. — А я вот из-за дождя и с завтраком опоздала. Выговор надо мне объявить.

Женька забрал чищеную картошку и унес на кухню. Тетя Вера понесла в ведре мясо, сказала Наташке:

— Ты, Наташенька, знаешь лестницу на чердак. Поднимись туда. Папа заждался, когда ты проснешься.

— Он приходил ко мне? — спросила Наташка.

— Еще бы не приходил. Под подушку-то заглядывала? Он тебе там подарок оставил.

Наташка вбежала в комнату, заглянула под подушку и нашла большую коробку конфет «Ассорти».

Она обрадовалась, быстро раскрыла конфеты, набрала в карман халата, снова через окно выпрыгнула на улицу и поспешила к Бесу.

— Ангел, Ангел, что я тебе несу, — заговорила она, приближаясь к конуре. — Шоколадные папка привез. У меня очень порядочный папка. Он тебе понравится.

Бес нехотя выбрался из конуры, облизал Наташке руки и сел. Она стала кормить его конфетами. Из дома вдруг позвал ее отец. Наташка высыпала Бесу конфеты, пустилась через заросли к сараю. С кустов и с бурьяна лилась на халат вода. Она вышла к летней кухне, где Женька жарко натопил плиту. С ним был какой-то парень.

— Ты где перемокнуть успела! — спросил Женька. — За кем-нибудь по лесу гонялась?

— Гонялась, — ответила Наташка. — Зверек какой-то. На четырех ногах.

— Длинноухий? Серый? — спросил Женька.

— И серый, и длинноухий, — ответила Наташка, присев на корточки к топке, чтобы подсушить халат.

— Чудачка, так это же Руся наша. Зайчиха Руся, — сказал Женька. — Ты за ней не гоняйся. У нее тут зайчатки должны быть.

— Я не знала, что это Руся, — ответила Наташка. — Больше я не буду за ней бегать.

Наташка совсем не хотела выпутываться, но Женька первый подсказал ей. Так же получилось и с тетей Верой. Откуда бы ей, Наташке, знать, что можно было пройти через крыльцо, когда тетя Вера спускалась в подвал?

— Тебя зовут, — сказал Женька. — Пошли искать по лесу.

Наташка вышла из кухни и направилась в свою комнату.

Отец с Александром Григорьевичем шли по ее следам к Бесу. Опять подвел ее песок у окна. Бес принялся лаять, стал метаться на цепи, рвался, не подпускал близко ни отца, ни своего хозяина.

— Наташа! — крикнул отец.

Наташка, наблюдая из-за простенка, поспешно передевалась в сухой спортивный костюм. Тапочки завернула в халат, пробежала по дому, подтерла следы и спрятала эти вещи в чемодан. Взяв расческу, она встала перед окном и принялась причесываться.

Она решила ни за что не признаваться, что подходила к Бесу. Тогда отец расстроится и увезет ее домой или устроит в лагерь, где за ней будет постоянный присмотр. Расчесывая волосы, она сделала вид, что ничего не знает, ничего не видит, занята только собой и думает о чем-то очень серьезном.

— Саша, а ты взгляни, взгляни, — сказал вдруг Кирилл Петрович и встал, потянув к себе, идущего следом Александра Григорьевича. — Мы тут что-то напутали. Видишь ее? Своим делом занята, а мы: «К Бесу бегала, непослушная».

Александр Григорьевич встал рядом с Кириллом Петровичем, сказал:

— Золотой ребенок, товарищ ученый. Я рад, что ты теперь здесь. У меня покойнее будет на душе.

«Подумаешь, — обиделась Наташка на Александра Григорьевича. — Я ему помогала, а он «покойнее». Все равно буду ходить к Бесу. Совсем он станет не злым со мной».

— Наташа, — позвал Кирилл Петрович. — Дочь моя!

Наташка повернулась и отошла от окна, как будто не слышала, что ее зовут. Кирилл Петрович заспешил к дому. Наташке стало жалко отца, что она его обманывает, проводит, словно маленького. Она решила сознаться во всех своих поступках. Пусть дает ей любое наказание, она снесет все с раскаянием.

Кирилл Петрович обежал дом, протопал через крыльцо, по коридору. Александр Григорьевич позвал Наташку к окну, показал ей на следы под окном и погрозил пальцем, сказав:

— Счастье твое, Наташа, что папа приехал. Был бы у нас с тобой крупный разговор.

— А что? Я ничего, — сказала Наташка. — Я только за Русей пробежала немного.

— Девочка, я лесной человек. Меня мало кому удастся провести, — сказал Александр Григорьевич. — Встречай папу, завтракать и к своим обязанностям.

— А к каким? — спросила Наташка.

— За завтраком решим. В связи с гостями планы наши могут измениться, — ответил Александр Григорьевич и направился к летней кухне.

За завтраком говорили о дармштадской «пьяной» сосне, о срубленной семенной, о лесных хулиганах. Кирилл Петрович собрался на фотосъемки, студентов отправляли с Витей на замеры роста молодняка. Жене предстояло подвезти обед на делянку бородавчатой березы, куда к полудню должны были сойтись все. Наташка выбирала себе занятие на свой вкус. Надо было помогать тете Вере мыть посуду, потом отправить в город несколько телеграмм и сделать кое-какие покупки в магазине.

После завтрака все быстро разошлись, разъехались по лесу. Наташка намыла гору посуды,

разложила сушиться, париться на солнце, взяла велосипед и укатила в Кутыри.

От дома до родника велосипед надо было удерживать тормозами, колеса сами неслись под уклон. У родника Наташка напилась ключевой холодной воды, ополоснула лицо, посмотрелась в воду и взяла камешек в форме сапожка на счастье с собой в дорогу.

Она пересекла болото по мягкой дороге, вывела велосипед на лесистый бугор, оглядела окрестности. Ей казалось, что она поднялась, взлетела над землей, видит все сверху, что она хозяйка всему, что находится на земле, и она зашептала:

Моя трава, мои леса,
Мои над лесом небеса,
И колокольчики мои,
И одуванчики мои,
Мои болота и тропинки,
И паутинки-серебринки,
И все цветочки-золотинки,
Мои чижи и соловьи,
И все и все — мои, мои!

Наташка еще больше обрадовалась, что ей здесь нашлось стихотворение. Она стала повторять все строчки, запоминать, потом покатила по лесной дороге, подпрыгивая на корнях, пересекавших колеи.

В Кутырях и сады и дома были веселыми после дождя. Наташке казалось, что все ей улыбается, радуется. И люди, встречавшиеся ей, казались радостными, словно в праздник.

На почту, когда Наташка заканчивала свои дела, пришла Лиза. Она была взволнована чем-то, вызвала сразу Наташку на улицу и сказала, что ее собираются встретить ребята, встретить и избить.

— Игорь мне сказал, брат мой. — Лиза отвела Наташку от крыльца, где стоял пацаненок, сказала шепотом: — Сейчас пойдем к нам, а от нас другим путем мы с Валею тебя проводим.

Они зашли в магазин, купили макарон, круп и направились к Лизину дому.

— Это Пестряк все, — сказала Лиза. — Хулиган один есть тут у нас. У него два брата в тюрьме сидят, и он готовится туда же. Его уже забирали в милицию.

— Это тот, наверное, — сказала Наташка, — которому я пощечину на кладбище залепила?

— Он самый. Зловредный. Хоть и сам виноват, а все равно будет мстить, — сказала Лиза.

— Я его проучу когда-нибудь, — ответила Наташка. — Будет ему воспитание.

— Ничего ты ему не сделаешь, — возразила Лиза.

Лизин дом был окружен садом и цветами. Всюду тянулись грядки.

— Хочешь, я тебе цветов нарву? — спросила Лиза. — У нас их столько...

Наташка сама видела, как много было цветов и разных других растений. Птички носились по саду, собирали червячков, жучков и носили их птенцам.

— Хорошо у вас так! — сказала Наташка. — Если бы я жила в селе, я тоже развела бы себе такой сад.

— А это не мы с мамой занимаемся: папа наш. Он садовод. Мы ему только помогаем, — сказала Лиза.

Из дома вышел мальчишка, очень похожий на Лизу, но меньше ростом. Лиза сказала ему, что это Наташа с кордона, о которой она ему говорила и которую Пестряк собирается избить. Игорь смутился, покраснел и стал пятиться в коридор.

— Игорь, ты не прятайся, — сказала Лиза. — Иди к Пестряку и заговори его, а мы круговой дорогой поедем с Наташей. Пусть он ее ждет. Не дождется!

— Игорь отправился выполнять поручение сестры.

— Лиза, а что он у вас такой тихий? — спросила Наташка.

— Его в детстве мухи испугали, — ответила Лиза. — Когда его к бабушке привезли в деревню, а там рядом с ней коровники сделали, и от них мух много стало. Игорь плакал, если они садились на него. От испуга он и тихий такой стал.

— А что он делает? — спросила Наташка.

— Читает книжки и мастерит разные машины да корабли.

Лиза позвала через ограду Валю и стала рвать цветы...

Они выехали из села с другой окраины, пересекли мост через речку, берегом через ольшаник добрались до шоссе и покатали по асфальту на кордон.

Машин на шоссе не было. Они ехали с разговорами, построившись в ряд. Впереди вдруг показалось стадо, переходившее через шоссе. Девчонки поехали тише.

— Коров-то! — удивилась Наташка. — Это ваши всё?

— Совхозные, — ответила Лиза. — Тут еще не все. Эти от нас, а есть и в других деревнях.

— Много, — сказала Наташка.

— А еще больше надо, — вступила в разговор Валя. — По плану так надо.

— Вам в город молока не хватает, — сказала Лиза. — Молока и мяса.

— А у вас своя есть корова? — спросила Наташка.

— Мы из города приехали сюда. Не завели еще. И наверное, не будем. Сено негде брать, — ответила Лиза. — Молоко мы у Вали покупаем.

— А тебе хочется корову? — спросила Наташка.

— Не знаю. Вообще-то я люблю животных. Всех люблю.

— И собак? — спросила Наташка. — Бес тебе нравится?

— Ой, что ты! Он разорвать может, — сказала Лиза.

— А вот и нет, — возразила Наташка. — Я к нему свободно могу подходить.

— Что-о? — протянула Лиза, посмотрев на Наташку.

Лизин велосипед вильнул, ударился передней шиной в Валин.

— Извини, Валя, — сказала Лиза. — Наташа, наверное, сумасшедшая. Ты слыхала, что она говорит?

— Это она нас пугает, — отозвалась Валя. — Беса все боятся. Если он сорвется, считай — пропал.

— Я вам покажу, — пообещала Наташка. — Только это мой секрет. И я зову теперь его по-другому.

— А как? — спросили в один голос девчонки.

— Ангелом, — ответила Наташка. — Потому он и не трогает меня.

Стадо перешло шоссе, оставив полосу навоза и грязи с травой, нанесенной на копытах из леса. Скоро девчонки свернули на лесную дорогу, покатали к кордону.

В лесу им встретился Александр Григорьевич. Он шел рядом с каким-то дядькой.

Попрошу остановиться, — сказал Александр Григорьевич. — Есть дело, помощницы. Надо вот этого гражданина проводить из леса до шоссе. Сбил человек с пути, от волнения раскуривает в лесу.

— Да ну уж, простите. С кем не бывает оплошности, — заговорил виновато гражданин. — В лесу сыро к тому же. Дождь ночью прошел.

— В лесу никогда не бывает сыро, — ответил Александр Григорьевич. — Вы свое дело сделали и ушли, а нам потом занимайся тушением.

— Еще раз простите! — Незнакомец развел руки. — Или уж разом наказывайте. Мне не надо много слов. Я свою вину сразу понимаю.

— Когда вам о ней скажут? — спросил Александр Григорьевич. — Идите.

— А документы-то как же? — спросил виновник.

— Идите. Наташа, задержись на минуту, — сказал Александр Григорьевич.

Лиза с Валею пошли провожать лесного нарушителя. Александр Григорьевич вынул из кармана паспорт, подал Наташке.

— На шоссе, Наташа, верни ему его документ. Человек он, видать, честный — просто забывчивый.

— А кто он? — спросила Наташка.

— Художник. Говорит, город лесной строит, коренья причудливые собирает. Можно было бы не останавливать его, но порядок есть порядок.

На шоссе Наташка вручила незнакомцу паспорт.

— Дяденька, а вы правда художник? — спросила она.

— А, художник? — переспросил незнакомец, находясь еще в растерянности. — Художник... Нет-нет, не художник. Я — творец. Вернее — умелец. Я собираю замысловатые корни, сучки. Фигурки из них разные творю и складываю в сказки. У меня много таких сказок — целый лесной город сложен.

— Интересно-то как! — сказала Лиза.

— Занятно, — подтвердил умелец. — Жили бы вы в городе, показал бы я вам мои сказки.

— А я в городе живу, — сказала Наташка. — Лиза с Валею могут ко мне приехать.

Умелец достал из кармана дощечку, подал Наташке.

— Это мой адрес. Прием посетителей круглосуточно, — сказал умелец.

Наташка рассматривала дощечку. Она была меньше ладошки, округлая, с резными краями.

— Это листочек, да? — спросила Наташка.

— Березовый лист из зеленого ореха, — сказал умелец. — Моя визитная карточка.

На этом листке был вырезан адрес умельца. Наташка прочитала его, посмотрела на лицо этого человека, стараясь запомнить. Звали умельца Корнеем, по отчеству он был Федоровичем, а по фамилии Делянов.

— Корней Федорович, а когда вы сказки делаете, — спросила Наташка, — у вас другая работа

бывает?

— У меня много дел. Одной жизни на все дела и не хватило бы, — ответил Корней Федорович. — Да и на жизнь-то нашу нам мало времени отпущено. Вот я из одной жизни и ухитряюсь делать несколько.

По шоссе пронеслась милицейская машина. Наташка узнала ее, махнула выглянувшему из окна милиционеру рукой. Милиционер ответил ей улыбкой.

— Открою вам свой секрет, как одну нашу жизнь можно размножить, — сказал Корней Федорович. — Одна жизнь у меня — книжная. Это самая для меня важная и самая большая жизнь. Сколько веков прожил я в этой жизни: и с королями общался, и пиратов знавал, и полководцев, и тиранов разных, и мастеров; в походах бывал, в ад спускался и возносился в райские сады — все бывало... Вторая моя жизнь картинная. Красками древними, картинами живу. Потом свои дела на нашей земле...

Девчонки расстались с Корнеем Федоровичем и покатали на кордон. У дома к Наташке подбежал Бобка, тревожно сообщил:

— Таташка, холонись сколей! Тут кутыляки ходили. Они шплашивали тебя.

— Какие кутыляки? — спросила Наташка.

— Кутыряки, наверное, — подсказала Валя. — Наши ребята.

— Кутыляки, — подтвердил Бобка. — И большие и маленькие. Ш палками. Оболватые.

— С палками, оборватые, — перевела Валя.

— Пестряк, — сказала Лиза.

— А где они сейчас? — спросила Наташка.

— Там, — показал Бобка на озеро.

— Ну, девочки, — сказала Наташка, — я им покажу дорогу с кордона!

Наташка приставила к крыльцу велосипед, сказала:

— Ждите меня здесь. Я сейчас.

Она пустилась к озеру. Девчонки поднялись на ступеньки чердачной лестницы, откуда далеко просматривалась тропа на озеро. Бобка взобрался на верхние ступени лестницы, заговорил сам с собой, воображая себя в самолете.

Вскоре на тропе мелькнула Наташка, донеслись ребячьи крики. Они перебежали тропу, отсекали Наташке путь к дому.

— Пестряк ее отколотит, — сказала Лиза.

— Идем на выручку, — предложила Валя. — Все вместе мы дадим ему отпор.

Наташка появилась на тропе, которая шла от родника. Здесь же оказался Пестряк. Наташка свернула в овраг.

— За мной! — крикнул Пестряк. — Она отрезана. Там ей и будет...

Банда Пестряка устремилась за овраг. Валя с Лизой скатились с лестницы, бросились выручать подругу. Бобка, ничего не понимая, торжественно закричал «Ула!». И вдруг загремела цепь, с лаем навстречу Пестряку бросился Бес. Он поднялся у березки на задние лапы, от натянутой цепи перевалился на спину и снова вскочил на лапы. Наташка схватила Беса за ошейник, сбросила цепь и вместе с Бесом устремилась на ребячью ватагу.

Никто не успел заметить, когда все до одного кутыренка оказались на деревьях. Бобка нырнул на чердак, а Лиза с Валею взлетели на лестницу. Пес тоже не понял, что случилось, куда рассеялась ребячья толпа. Он стоял рядом с Наташкой под сосной, на которую вскарабкался Пестряк, и смотрел на дом.

Девчонки спрятались на чердак. Наташка не знала, что теперь ей делать. Она поняла, что совершила непростительный проступок, что Бес мог вырваться от нее и перекусать невиновных людей. Наташка не могла вспомнить, как удалось ей сбросить туго прикрепленную к ошейнику цепь. Казалось, лишь взялась за нее — она сама и отпала. А как теперь отвести Беса на место и снова прикрепить к цепи? Он не захочет возвращаться.

На чердаке появилась тетя Вера с ружьем. Она стала махать Наташке, чтобы она подошла с Бесом к лестнице, поднялась бы на ступеньки и отпустила пса. Наташка покачала головой, отступила от сосны. Ноги у нее дрожали, словно она встала на них после долгой и тяжелой болезни. Сил ни в ногах, ни в руках не было. На низкой сосенке заревел мальчишка. Пес наострил уши. В стороне болота вдруг замычали коровы и заблеяли овцы. Бес потянулся на голоса стада, Наташка невольно переступила и пошла за ним, потом засеменила ногами, припустила за псом бегом. Тетя Вера заохала, вышла на балкон и выстрелила в воздух.

Скоро к дому подкатил Женька. От шоссе появилась машина. В кузове стоял, облокотясь на кабину, Александр Григорьевич, обеспокоенно смотрел на дом.

— Что тут такое? — спросил, Александр Григорьевич. — Что за стрельба?

Тетьа Вера вышла с чердака на лестницу, ответила:

— Наташу Бес уволок... к болоту...

Александр Григорьевич выпрыгнул из кузова. Из кабины выскочил с фотоаппаратами Кирилл Петрович. Он пустился за хозяином и Женей к болоту. Витя заглушил мотор, тоже выбрался из кабины, осмотрелся и вдруг заметил на соснах ребят. Витя принялся смеяться, насмеялся и скомандовал:

— А ну, шантрапа, слезай!

Бес несся через болото к стаду. Наташка насилу успевала за ним, боясь отпустить ошейник.

За болотом по бугру медленно тянулось стадо. Ни скотина, ни пастухи еще не видали несущегося к ним пса, не ожидали беды. А Бес, как показалось Наташке, через болото понесся быстрее. Она совсем выбилась из сил, еле поспевала за ним, боясь запутаться в траве, упасть. Овцы завидели пса с девчонкой, шарахнулись к лесу.

Наташка вдруг остановилась, нечем стало дышать, закрыла глаза. Она готова была выпустить ошейник. Ожидала, что Бес рванется от нее, — что ему стоит вырваться? — но рывка не последовало.

Наташка расслышала однообразный шум, казалось, что над болотом вьется тьма больших шмелей. Она открыла веки. Стадо ушло. Бес покорно стоял рядом с ней, ждал новой команды своей дрессировщицы.

— Ангел, — прошептала Наташка сухими губами. — Ангел ты мой.

От радости, что не случилось беды, Наташка заплакала, повернулась и побрела с Бесом на кордон.

Александр Григорьевич из-за деревьев над родником смотрел на Наташку с Бесом в бинокль. Кирилл Петрович наводил фотоаппарат.

— Успела приручить. Я так и подозревал. Сам каждый раз опасался его клыков, а эта сопливая девчонка...

— Не сказал бы, — возразил Кирилл Петрович с обидой за дочь.

— Он меня норовил хватить за руку, — продолжал Александр Григорьевич. — Или тут колдовство какое?

— Не будь, Саша, суеверным, — возразил Кирилл Петрович. — Я не удивлюсь, если Наташа приведет за лапу из леса косолапого. С ее энергией и льву делать нечего.

— Я эту энергию, товарищ ученый, направлю в другую сторону, на город. У меня кроме дел по горло, а я должен заниматься пустяками.

Александр Григорьевич, не отнимая от глаз бинокля, приказал:

— Пока они не подошли, беги к дому и весь народ убери с улицы в помещение — и чтобы носа никто не высовывал, голоса не подавал.

Наташка подвела Беса к роднику, сказала:

— Пей, Ангел, ключевую водичку. И я с тобой попою. Вредный ты песик. Напугал меня так.

Бес полакал воды. Наташка тоже похлебала из ладошки, сполоснула лицо и умыла Беса.

— Ну, а теперь, Ангел, пойдем на суд. Ох, и будет же нам с тобой!

«Будет, будет! — подумал Александр Григорьевич. — Неизвестно, чем еще дело кончится, когда ты его на цепь будешь сажать. Постараюсь держать его на прицеле. А тебе как еще будет».

Александр Григорьевич, хотя и ничего не делал, весь взмок от пота. Он не решался поднять к лицу носовой платок, боялся, что Бес заметит его, — и тогда совершится что-то ужасное. От пота точило глаза, солоно было на губах. Такого труда он, казалось, не знал за все годы работы в лесу.

Наташка тихо пошла в сторону дома. Бес, словно его подменили, послушно исполнял малейшее движение ее руки. Все это не вызывало у Александра Григорьевича одобрения и восторга. В нем появилось зло на пса. Такой зверь ему в лесу и ни к чему. Зря переводить продукты он не согласен. В городе могут держать разную тварь, выстаивать в очередях за мясом да рыбой для них, прогуливать (Александр Григорьевич ненавидел одно это слово), таскать на поводках по газонам, загаживать скверики, а в лесу все должны работать: собака — охранять дом, помогать по лесу, кошка — ловить мышей, корова — кормить молоком, лошадь — перевозить тяжести.

Наташка с тропы свернула в овраг и оврагом направилась с Бесом к конуре. Александр Григорьевич поспешил к дому, махнул рукой Кириллу Петровичу, настроившемуся фотографировать дочь с чердачной лестницы, чтобы тот скрылся. Александр Григорьевич замаскировался у сарая и стал наблюдать за Наташкой, держа на изготовке заряженное пулей ружье...

В доме было тихо, словно никого не было. На поляну выбежала зайчиха, отряхнула передние лапки, как будто радуясь тишине и безлюдью. Это была Руся с перебитым левым ухом. Александр Григорьевич, расширив глаза, увидел, как Наташка мучается с цепью: не зацепить за ошейник.

Высматривала что-то свое Руся. Вдруг по проволоке загремела цепь. Руся, не торопясь, скрылась в лесу. Наташка подошла к ольхе у конуры и села на поваленную сухую ольшину.

«Тьфу, — сплюнул Александр Григорьевич и, выйдя из укрытия, не показываясь Бесу, направился в дом на совет с Кириллом Петровичем. — Эта компания задаст мне еще забот».

Александр Григорьевич скинул с пробоя накладку, толкнул дверь, сбив кого-то в коридоре. Он встал на пороге, опешив от многолюдия.

— Это еще что такое? — удивился он, осматривая ребят.

— Будущая пожарная команда, дядя Саша, — доложил Витя. — Тренировать их буду. По соснам, как белки, лазают.

Александр Григорьевич молчал, не понимая такого явления. Кирилл Петрович спросил с чердака:

— Саша, все обошлось нормально? Где там моя дочь?

— Нет ее и не будет, — ответил Александр Григорьевич.

— Как нет? — изумился Кирилл Петрович. — Что е-еще-е за-за представления?

— У конуры решила остаться ваша дочь, — успокоил заботливого папашу хозяин. — Идти за ней я не решился. Чего доброго пес бросится на нее при моем появлении.

— Я сам все улажу, — сказал Кирилл Петрович. — Чего ж она, там и будет при собаке?

— Потом с ней, — остановил Кирилла Петровича хозяин. — Я хочу знать, откуда тут эта мелюзга скопилась.

Лиза спросила разрешения на ответ и рассказала: и откуда взялись на кордоне мальчишки, и почему Наташка спустила с цепи Беса, что во всех этих проделках виноват один Пестряк.

— Будем с ними изучать историю, — сказал Александр Григорьевич. — Пусть узнают, как жили дети царской России. Скамейку сюда, ремни, ведро с соленой водой, березовых прутьев! Всем по десять... мало... по двадцать пять розог! Ребята дружно заревели.

Александр Григорьевич вышел на крыльцо, сел на лавку, взял сушившуюся тряпицу и стал вытирать лицо и шею от пота.

— Витя, позови, пожалуйста, ученого, — попросил Александр Григорьевич. — Надо что-то решать.

Витя поднялся на чердак. Кирилла Петровича там не было. Он стоял у сарая и жестами приказывал Наташке идти домой. Она отрицательно мотала головой, боясь наказания. Бес лежал у ее ног, дремал после бега, недолгой воли.

— Кирилл Петрович, Александр Григорьевич зовет, — передал Витя.

— Иду, — ответил Кирилл Петрович вполголоса и бесшумно ушел от сарая.

Александр Григорьевич, отойдя от усталости, вызванной больше переживаниями за Наташку, заговорил, не глядя на Кирилла Петровича.

— Надо что-то делать, разряжать обстановку. Трудно представить, чем могло обернуться... Ты представляешь?

— Все обошлось, Григорич. Собака как собака. Ты выдумал, что он злой, волкодав, а он обыкновенный пес, — ответил Кирилл Петрович, убедившийся, что Бес подружился с Наташкой, — и нечего об этом ломать голову. Есть дела поважнее.

— Защищаешь, добрая душа, — сказал Александр Григорьевич и отворил коридорную дверь. — А ну, выходи сюда! Первыми идут зачинщики. Разберемся, кто виноват в этой заварухе.

Ребята зашевелились. Старшие принялись выгалкивать первыми на крыльцо малышкой. Кирилл Петрович схватился за фотоаппарат, отбежал от крыльца и стал наводить резкость, щелкая затвором. Мальчишки, забыв о грозящем наказании, стали прихорашиваться.

— Надо выйти на свет, — сказал Кирилл Петрович и оглядел место. — Под куст, к деревьям. Чем-нибудь занять их, вроде помогают они нам.

— Занять, занять, — проговорил Александр Григорьевич. — Действительно, надо их чем-то занять. В лесу столько дела, а они баклуши бьют по селу...

Из-за угла дома выглянула Наташка. Александр Григорьевич заметил, но не обратил на нее внимания.

— Слушайте все, — сказал он. — Сейчас лето. Скоро начнется грибная пора. В лесу будет много грибников и могут случиться пожары. Мне одному с этим не справиться. Давайте организуем добровольный отряд, лесной, по охране леса. Кого-нибудь выберем командующим, дадим ему помощников. И все ваши проделки простятся.

Ребята задергали плечами, выпрямились, чтобы казаться выше, взрослее и быть принятыми в добровольцы.

— Согласны или нет? — спросил Александр Григорьевич. — Сразу и приступим к делу.

Ребята в один голос ответили согласием.

— Так, молодцы! — похвалил Александр Григорьевич. — Все за мной. Сниматься потом будете. Он отвел ребят к сараю, указал на штабель кольев, скомандовал взять всем по силе, кто сколько сможет унести, захватил кувалду с топором, сумку с гвоздями и молотком и повел их в лес.

— Григорич, а нам чем заниматься? — спросил Кирилл Петрович.

— Своими делами, — ответил Александр Григорьевич. — Мы муравейники пошли огораживать.

— Надо же их регистрировать, сделать снимки, — сказал Кирилл Петрович. — Уж заодно бы.

— За одно, за два, за три, — проворчал Александр Григорьевич. — Ребята, лесной науке поможем? — спросил он у ребят.

— Поможем! — хором ответили ребята.

— Тогда придется взять девочек с карандашами, с бумагой. Пусть они писаниной занимаются, — решил Александр Григорьевич. — Лиза, Валентина, за нами!

Александр Григорьевич вернулся в дом, сказал жене:

— Вера, на всю братву обед направь с Витей к студентам. Мы подойдем к ним.

— Хватит ли у меня на всех-то пищи, — сказала тетя Вера и спросила: — А Наташку-то не примете с собой?

— Нет, — ответил Александр Григорьевич. — Она пусть остается дома. Пока мне не нравится ее поведение. Пусть исправляется.

Тетя Вера облегченно вздохнула, встретив у крыльца Наташку.

— Наконец-то все развязалось, — сказала она. — А то, как в грозу было, там гремит, тут сверкает, молнии летят, бурелом по лесу. Тихо и светло сразу стало. Отдыхать будем.

Тетя Вера приласкала Наташку. Рука у нее была легкая, нежная.

— Испугалась я из-за этого Беса, — сказала она. — Как ты решилась к нему приблизиться да еще спустить с привязи?

— Он ничего, тихий, — ответила Наташка и спросила: — Меня в город теперь отправят?

— Пока разговору об этом не было, — ответила тетя Вера. — Неизвестно, что там с тобой решат. Мойся, переодевайся, отдохни, потом будем доваривать обед. Всю эту ораву кормить надо. Не посчитала я, сколько их там. Сидело-то их: на высокой сосне — трое, за ней которая — двое было, на суковатой — сколько же их снял с нее Виктор? — человек-то пять наверняка слезло; на тех двух тоже торчали.

— А за что их кормить? — спросила Наташка. — Пусть голодом помучаются.

— Не ест тот, кто не работает, а они на дело пошли, обед себе зарабатывать, — ответила тетя Вера и направилась к кухне.

Наташка вошла в комнату. На ее кровати лежал Бобка с раскинутыми руками, наставив правую ногу в потолок, подпирая ее коленом другой ноги. Он смотрел на потолочные узоры, шевелил пальцами ноги и что-то бормотал.

— Бобка! — сказала строго Наташка.

Бобка слетел с кушетки, встал у стены и, краснея, опустил голову вниз.

— Боба, ты зачем сюда вошел? — спросила Наташка.

Бобка пошевелил губами, но и звука не произнес.

— Ты каждый день здесь бываешь?

Бобка качнул головой и также двинул губами, словно что-то отправил в рот.

— Ай-яй-яй, — произнесла Наташка. — Я думала, ты самый настоящий, а ты тоже хулиганишь. Ты знаешь, что здесь моя комната?

— Жнаю, — еле слышно ответил Бобка.

— А ты знаешь, что в чужие комнаты нельзя заходить без разрешения? — спросила Наташка.

— Не жнаю, — ответил Бобка.

— Ах, ты не знаешь самых простых вещей, — сказала Наташка. — Тогда я буду тебя учить знать все. Пойдем со мной.

Наташка вышла с Бобкой из дома, взяв с собой тренировочный костюм, направилась к роднику переодеваться и повела за собой провинившегося мальчугана.

У родника Наташка посадила его на сосновый пень, сказала:

— Тут будет наша школа. Я буду учительницей, а ты учеником. Понял? Звать ты меня будешь Наталией Кирилловной. Понял?

— Понял, — ответил Бобка, осматриваясь. Он привык к полной лесной свободе, и такая связанность, школьная дисциплина ему не понравилась с первых же минут.

— Как ты меня должен звать? — спросила Наташка.

— Как жвать? — спросил Бобка.

— Скажи, Наталия Кирилловна, — подсказала Наташка.

— Шкажи, Таталия...

Бобка угнул голову и чуть не свалился с пня.

— Трудно мне будет с тобой, — вздохнула Наташка. — Ладно, посиди, а я переоденусь и вымоюсь.

Она отошла к роднику, вымыла руки, лицо и ушла в кусты переодеваться. Бобка насторожился, подумал, что его оставили одного. Над болотом вдруг дрозды разодрались с воронами. Бобка испугался вороньего крика, хотя и был лесным человеком. И вдруг он заметил за кустами в темной одежде Наташку, не узнал ее, плюхнулся с пня в траву, вскочил на ноги и пустился к дому, не оглядываясь.

Наташка подошла к пню, где оставался ее первый ученик, и очень удивилась, что Бобки не оказалось на месте. Она взглянула вверх, как будто его могла унести в когтях какая-нибудь большая птица. Бобки и след простыл.

Для ребят из Кутырей решили отварить картошку и растолочь ее с маслом или мясными консервами. Наташка чистить картошку не смогла. Дома ее к этому делу не приучали. Там всегда все было сготовлено без нее, как будто готовилось само собой, по щучьему велению. Наташка повертела в руках нож, большую картофелину, посмотрела на эти предметы и предложила тете Вере свою идею: сварить картошку в мундире, потому что папа ее жить не может без такой картошки. Он затем и ехал сюда, чтобы на воздухе поесть картошки в мундире.

— А пожалуй, так и сделаем, — согласилась тетя Вера. — Луку зеленого им, огурчиков в парнике поищем. Там теперь подошли. На пробу им. Посуда лишняя не потребуется, ложки. И по яйцу на человека сварим. Ну ты умница.

— А чего их баловать консервами, — сказала Наташка, утирая руки. — Девочкам можно сделать с консервами, а ребята и так хороши будут...

Чугунок с картошкой в мундире обернули газетами, укутали в ватное одеяло и, поместив в ящик, поставили в кузов. Еще в два ящика уложили хлеб, лук, яйца с огурцами, глиняную кубышку с клюквенным морсом. Наташка (тетя Вера разрешила ей быть хозяйкой-хранительницей, а потом раздатчицей пищи) с великой радостью заняла место в кузове у кабины, облокотившись на крышу. Бобка тоже направлялся в этот ответственный рейс. Мама отпустила, потому что дома он все переделал, а скучать в одиночестве не захотел. Он угнезвился рядом с Витей в кабине, но Наташка не завидовала ему, она впервые ехала по лесной дороге в открытом кузове.

Витя вел машину тихо, с предосторожностью. Солнце то ослепляло Наташку, то скрывалось от нее за деревьями. На солнце жарким ветром обдувало лицо. В тени обвевало прохладцей. Глухо урчал мотор машины, поскрипывали рессоры. Наташке казалось, что она играет в кино. Откуда-то из-за деревьев на нее наведены объективы камер. Машина провозит ее, и вместе с машиной передвигаются кусты, деревья, поляны. Она самая главная героиня, самая красивая, радостная и умная. Наташка поправляла волосы, рисовалась перед воображаемыми кинокамерами и сочиняла стихи.

Солнышко, дружок,
Выйди на лужочек,
Поиграй со мною
На зеленой травке,
На зеленой травке,
На травке-муравке...

Витя не заметил ухабину. Машина качнулась. Наташка вскинула руки и шлепнула ими по кабине, удерживая равновесие. Машина разом остановилась. Витя выскочил на подножку, испуганными глазами уставился на Наташку. Она улыбнулась ему, как улыбаются зрителям артистки в кино.

— Чево? — спросил Витя.

— Ничево, — ответила Наташка.

— А чево же ты?

— Чево «чево ж» я? — переспросила Наташка.

— Стучишь по кабине?

— Это я так, понарошку, — сказала Наташка.

— Я тебе покажу понарошку! — погрозил Витя. — Не знаешь, что у меня от каждого такого стука сердце холодеет?

— А чего-то оно? — спросила Наташка. — Порода совсем жаркая.

— Не от погоды. Я думал, случилось что. Садись и не вставай, — приказал Витя.

Наташка села, проговорила:

— Сегодня все такие строгие. И на меня обижаются за что-то. Одна тетя Вера понимает все...

Витя, как и следовало ожидать, сбился с дороги. Вел-вел он машину, привел в березняк. Дорога запуталась в березках, перешла в тропу — ходу дальше не было.

— Витя, чево? — спросила Наташка, когда машина остановилась.

Витя вышел из кабины, попинал ногой баллоны и стал смотреть по сторонам.

— Витя, кругом лес, — сказала Наташка.

— Видим сами, — ответил Витя и направился в чащу. — Посмотрю. Где-то рядом должна быть дорога.

Витя скрылся в березах. Бобка просигналил. Наташка посмотрела на тонкую березку, белую, прямую и без суков до небольшой кроны. Березка стояла рядом с бортом. Наташка полюбовалась ее стройностью, чистотой и решила попробовать, сможет ли на нее вскарабкаться. Она встала на борт, обхватила березовый, словно побеленный мелом, ствол и полезла по нему вверх.

Березка вначале дрожала от ее веса, потом стала покачиваться. Наташка отдохнула и решила добраться до макушки. Вниз она взглянула лишь раз. Было высоко, и смотреть боязно. Наташка уставилась вверх, на зеленую дрожащую листву, на голубое, легкое небо. Оставалось сделать перехвата два руками, подтянуться — и цель достигнута.

Витя обошел круг, вернулся к машине, сел за баранку и включил заднюю скорость. Наташка схватилась за суки, взглянула на машину. И вдруг, ей показалось, земля стала переворачиваться. Зашумела листва, замелькали березовые стволы. Береза изогнулась в дугу. Ноги Наташкины оторвались от ствола, повисли в воздухе.

Витя, подавая назад машину, вдруг увидел свесившиеся с неба к его лицу ноги, тормознул и заглушил мотор. Он с боязнью провел пальцем по подошве. Нога брыкнула и угодила ему в лоб. Витя нырнул в кабину, пригнулся и посмотрел вверх. На березе висела Наташка.

— А ну, Бобик, выпусти меня! — сказал Витя с угрозой в голосе. — Еще один номер! Цирк устраивает, когда там люди обед ждут.

Наташка перехватилась руками ближе к макушке, береза согнулась ниже. Наташка ногами достала до травы. Она отпустила березку, упала на холодную травянистую землю. Березка с шумом унесла ввысь крону, но совсем не выпрямилась.

— Эт-то ты-ты что ж делаешь? — прозаикался от волнения Витя. — Голову с меня снимаешь.

Наташка встала на ноги, посмотрела на согнутую березку. Ей показалось, что с того момента, когда она взбиралась по меловому стволу к вершине, до этих Витиных слов прошло сто часов, что она успела вырасти, а Витя убавиться в росте. Был такой странный, такой долгий, как казалось теперь, полет, какой может только присниться. Непонятно лишь было, чего добивался от нее этот малыш-Витя.

— Больше ты со мной ездить не будешь. Только под ружьем соглашусь везти тебя куда-нибудь.

— Витя, застывает все у нас, — сказала Наташка. — Чего мы стоим тут?

— Садись в кабину, — сказал Витя и отменил приказание: — Ладно, забирайся в кузов. Смотри только у меня!

— Хорошо, Витя. Буду смотреть, — ответила покорно Наташка и под раздраженным Витиным взглядом взобралась в кузов и заняла место рядом с картошкой в мундире, положив локоть на прогревшееся от чугуна одеяло.

Вечером все студенты и Кирилл Петрович делали в своих журналах записи наблюдений. Записывали каждый свое. На свет летели из леса ворогуши и ночные насекомые. Кирилл Петрович брал со стола падавших от лампочки бабочек, рассматривал их и на отдельном листке делал пометы: «шелкопряд-монашенка», «ивовая волнянка», «златогузка». Он прикалывал бабочек к пенопласту, брал определитель и проверял названия. Ошибся в шелкопряде-монашенке. Ее появление не сходилось во времени. Но в зависимости от погоды эта бабочка могла появиться и раньше и позже.

В личный дневник Кирилл Петрович записал: «Утром проснулся от влажного лесного воздуха. Слышно было, как бурлит по жилам кровь от избытка озона. От воздуха, после городской копоти, клонило в долгий сон. Надо было спать до полного оздоровления, но заботы подняли на ноги».

Далее Кирилл Петрович записал: «Наталия совершила у меня на глазах героический поступок: приручила Беса. Из нее, с ее характером и волей может выйти отличная дрессировщица».

«Могли быть неприятные последствия из-за Беса, но все обошлось более чем прекрасно. Благодаря этому у нас появилась подсобная бригада из сельских мальчишек. Было с их участием ограждено восемнадцать муравейников различной величины. Замеры и перспективность их в отдельной описи».

«Витя жаловался на Наталию. Неприлично вела себя в кузове. Устроила парашютный прыжок на березе. Если бы была она младше, получила бы наказание. Об этом еще разговор с ней впереди».

«Впервые, если не считать раннего детства, ел картошку в мундире. Прелесть в том, что сам

очищаешь ее, присыпаешь солью, берешь хлеб, лук, огурец, яйцо. Главное, что все это употреблялось на воздухе, сидя на траве, отчего все кажется вкуснее во много раз. Да, должен внести маленькую поправку: соли не было. Вместо соли был прислан сахарный песок. Опять напутала Наталия. Не зря я ей дал новое имя: Шустренка, но оно не прижилось еще. За ужином наша любезная хозяйка Вера Ивановна удивилась, что я впервые ел картошку в мундире, когда я разошелся в похвалах этому продукту. Спросить, чем вызвано ее удивление».

«Приступаю к письмам и отчету в Академию. Завтра отправляется в город Витя. Для дома: Наташа ведет себя в рамках полного приличия, вся в работе, ниже травы, тише воды».

Наташа спала. Все дневные ее похождения сказались усталостью. Дел на вечер никаких не было. Ей стал сниться сон, что она оказалась вдруг в пограничной форме и с собакой, ученой, пограничной. Она пробирается лесом по следу нарушителя границы. Ветки цепляются за фуражку, листва прикасается к лицу. От этого прикосновения она проснулась и увидела котенка. Он лапкой отводил с ее лица рассыпавшиеся волосы.

— Ой, а ты откуда? — удивилась Наташка.

Она стала играть с котенком. С чердака донеслись голоса. Там вдруг среди ночи зашел о чем-то спор. Наташка не стерпела, зажглась любопытством посмотреть, кто там спорит и о чем. Она натянула быстро тренировочный костюм, взяла на руки котенка и выбралась с ним на улицу.

Лес спал беспокойно. Вверху пробегал по деревьям ветерок, пугал осинки и заставлял недовольно шуметь сосны. Свет с чердака пробивался через марлю, повешенную на дверь от насекомых. Бабочки и длинноножки липли к марле. Чья-то тень появлялась на занавеске и скрывалась. Когда Наташка вошла в полосу света, то вдруг стало совсем темно. Деревья попрятались в этой темени. И лес показался жутким, полным зверей.

Неслышными шагами Наташка поднялась по лестнице, села на балконе. В комнате спорили. Кто-то говорил, что каждый человек обязан посадить хотя бы одно дерево, тогда земля станет прекрасной, как сказал Чехов. Наташкин отец держал ответ.

— Этот призыв для тех, кто никогда не посадил ни одного дерева. А лесоводам на людскую благосклонность к природе, к красоте земли надеяться не стоит. Лесовод должен сам сажать, сеять деревья, не по одному, а тысячами, миллионами...

Котенок сполз с Наташкиных колен, принялся играть занавеской. У конуры твякнул и заскулил Бес. Котенок вкатился в комнату к спорщикам. Александр Григорьевич сказал, что лучше посадить деревце, пусть одно, какое-нибудь, чем шуметь об этом. Наташке представилось, что он говорил с улыбкой, с насмешкой над ее отцом и студентами, потому что он-то много деревьев и насаждал и посадил за свою жизнь. У него растут целые леса.

— У лесоводов свои цели, — возражал студент Кириллу Петровичу. — Они работают больше на промышленные нужды, а украшение пейзажа — дело каждого.

— Кирилл Петрович, смотрите, — воскликнул Витя. — Грабеж среди бела дня.

— Где грабеж? — спросил Кирилл Петрович.

— У вас на столе. Котенок Тотька поел ваших бабочек.

Наташка взглянула через марлю. Котенок на столе доедал бабочку. Отец подошел, наклонился над ним. Отстаивать было нечего. Котенок лапкой провел по мордочке, облизнулся и покатил по столу авторучку.

— Удивительное существо, — изрек Кирилл Петрович. — Ему даже в башку не приходит, что он совершил преступление, что на него смотрят как на воришку. Коллекцию уничтожил.

— Надо полагать, что он не один явился сюда, — сказал Александр Григорьевич.

Кирилл Петрович подошел к занавеске и отвел ее, сказал:

— Запустим новую партию бабочек.

Наташка оказалась перед отцом. Она не ожидала, что он вздумает снова запускать в комнату бабочек.

— Наташа! — удивился он и взглянул на часы. — Ты не спишь?

— Я проснулась от вашего разговора, — призналась Наташка. — Вы громко очень кричите.

Из-за перегородки раздался голос студента:

— Вы не правы, Кирилл Петрович. Лесоводам тоже надо думать о красоте природы.

— Да-да, я не прав, — отозвался Кирилл Петрович. — Время позднее, а мы еще здесь с вами спорим. Спать другим мешаем.

— Лес разом выполняет несколько функций, продолжал спорщик за ширмой. — Возьмите байховые леса...

— Возьмите себя в руки, студент Михайлов! Спать! Утром рано подъем. Мальчишки явятся — мы

должны быть уже на ногах.

Александр Григорьевич ушел, пожелав спокойной ночи. Кирилл Петрович спустился проводить Наташку в комнату.

Утро снова было суетным. Лишь стало светать, появился Пестряк с двумя мальчишками. Витя осматривал машину, готовился в дорогу. Тетя Вера шила зеленые нарукавные повязки. Женя сводил на водопой лошадь, позвал Наташку за грибами. Кирилл Петрович тоже отправился в лес за подарками для города.

Когда Наташка с Женей вернулись с грибами набрали колосовиков, — ребят у дома было больше, чем в прошлый день. Они чистили сарай, где решили сделать уголок лесовода.

Грибы сдали Вите. Он готов был к отъезду, прогрел мотор и ждал Кирилла Петровича. Лиза и девочки работали с тетей Верой. Наташка присоединилась к ним.

— Виктор, посигналь нашему ученому, — сказал Александр Григорьевич. — Пора к делам приступать, а он утренние моционы совершает.

В кабине за баранкой сидел Бобка. Витя велел ему сигналить. По лесу покатались звуки сирены. Бобка был рад случаю пошуметь, проявить себя в важном и ответственном деле.

Кирилл Петрович вышел из леса с пустыми руками. Он подивился многолюдью и обрадовался, что много нашлось помощников.

— Давайте, товарищ ученый, думать, как распределять силы, — сказал Александр Григорьевич. — Надо рассказать ребятам что-то интересное, разбить их на звенья, как я думаю, и на каждое звено дать определенное задание.

— Лекцию, говоришь, я должен прочитать? — спросил Кирилл Петрович и усмехнулся. — К лекции готовиться надо, в Публичной библиотеке сидеть.

— А до этого не приходилось там сидеть? — спросил Александр Григорьевич.

Кирилл Петрович развел руками:

— Приходилось. Не раз — много. Только другие цели тогда преследовались. Ребятишкам нужна особая тема. Они высоких материй не поймут еще.

— Так и надо сказать им, что они бестолочи, что ничего они не знают: не знают, какой лес называется красным, чернолесьем. А что такое подлесок? А под какими деревьями трава не растет, волосянец только тянется...

— Ну-ну, Григорич. Что там дальше? Волосянец — травка тонкая, словно нить, повальная. Видал я ее, видал где-то.

— Не перебивай, Петрович, — сказал Александр Григорьевич. — Тебе, ученому человеку, и не прочесть лекцию, не рассказать ребятам интересного. Да я бы...

— Что ты, что? — подзадорил Кирилл Петрович.

— Наговорил бы. Ответь-ка мне, на чем в лесу первый цвет появляется?

— Первым багульник, кажется, цветет, — ответил Кирилл Петрович. — Ах, это сибирское. У нас лещина...

— У вас — да, лещина, — перебил Александр Григорьевич, — а у нас и у этих мальчишек — орешник.

— Да, виноват, — извинился Кирилл Петрович. — Орешник лещинный. Первое слово, дорогой скажешь ребятам ты. Попросту, как вот мне говорил. У меня, знаю заранее, не получится. Меня будет сбивать на научные термины. Ты прав: ребята меня не поймут.

— Не увливай, товарищ академик, не хитри.

Первым делом проводили Витю. Когда не стало у дома машины, укатился и стал не слышим ее шум, летней утренней тишиной окутало лес. Через некоторое время из кустов, с деревьев стали доноситься птичьи голоса.

Кирилл Петрович собрал свою аппаратуру, созвал студентов, занимавшихся по хозяйству, пересмотрел какие-то записные книжки, ученые записки, выбрал место, где побеседовать с ребятами, и сказал Александру Григорьевичу, что пора приступать к делу.

Александр Григорьевич приказал Пестряку построить ребят и подвести их к Кириллу Петровичу на лекцию. Пестряк, словно опытный ефрейтор, построил всех в два ряда (высокие — впереди, низкорослые — сзади) и подвел к указанному месту.

Кирилл Петрович оторвался от бумаг, взглянул на ребят через очки, потом снял их и сказал:

— Пришли. Добро пожаловать. Садитесь и слушайте. Сейчас с вами будет беседовать Александр Григорьевич, главный лесник тридцать третьего кордона. Он расскажет вам кое-что весьма интересное о лесе, а главное, о работе. Я мог бы побеседовать с вами сам, но не успел подготовить свою лекцию... Прошу, уважаемый Александр Григорьевич.

Ребята зашептались. Александр Григорьевич убийственно взглянул на ученого друга, вздохнул и подошел к ребятам. Они смотрели на него снизу вверх, словно совы из гнезда. Александр Григорьевич не знал, что надо говорить, с чего начинать, оглянулся на Кирилла Петровича, пожал плечами. В ответ Кирилл Петрович тоже пожал плечами. Они, словно забывшие урок ученики перед учителем, оказались перед ребятами.

— Вот что, — произнес Александр Григорьевич и повел взглядом по студентам, — я с вами поговорю потом...

— Когда в лесу схватите? — спросил Пестряк. Ребята захихикали, стали толкаться.

— Там особый разговор будет, — ответил Александр Григорьевич. — А сейчас вам расскажет вот Володя Захарченко. Я узнал, что он попал в академию из Сумской области, где уже работал в лесу. У них там давно есть школьные лесничества. — Александр Григорьевич оглянулся, сказал: — А что-то мы девочек отшили? Пусть все идут сюда. Сейчас будет самое интересное.

Володя Захарченко на четвереньках подобрался к ребятам, рассмешив их, сказал:

— Так мы подкрадывались в лесу к разным нарушителям. У нас были участки, где мы сеяли и сажали лес, потом выращивали его и охраняли. И все, что растет в лесу и водится, тоже берегли от разных нарушителей и браконьеров... Один раз задержали, знаете кого? Важного-важного дядьку вот с таким пузом, в дубленке, пыжиковой шапке и меховых сапогах с меховыми брюками. Кто это, по-вашему, был?

— Начальник из района, — сказал Пестряк.

— Нет, — ответил Володя.

— Министр, — сказал второй мальчишка.

— Ну, что вы! Берите выше.

— Космонавт, — сказал третий.

— Такому космонавту надо целый дворец в космос запускать, — ответил Володя, и выставил перед животом руки. — Он был в два раза шире.

Ребята засмеялись. Володя рассказал, кто это был.

— В книжках про браконьеров только и сваливают вину на начальников. А этот тип торговал в Сумах пивом.

— Пив-вом! — удивились ребята.

— А что ему было потом? — спросили они.

— Пивом торговать он не стал, — ответил Володя. — Ружье и охотничий билет отобрали. И штраф, какой положено, он заплатил за наши елочки-сосеночки с березочками.

Ребята облегченно вздохнули, заговорили, что так ему и надо, что хорошо сделали, что и они могут на четвереньках скакать, что будут так же охранять лес... (Пестряк под общий смех проскакал вокруг ребят).

Александр Григорьевич позвал девочек быстрее идти, слушать интересный рассказ. Когда они подошли и сели, Володя сказал:

— Ребята, я могу вам о всяких приключениях рассказывать весь день, но нам надо поработать. Что-нибудь расскажу по дороге, в обед. Согласны?

— Согласны! — ответили ребята и повскакивали с травы.

От дома двинулись все вместе. Шесть человек несли лопаты. Они должны были проделать одно хитрое дело. Было на кордоне место, где когда-то провели осушение, прорыли осушительные каналы. Александр Григорьевич решил пересыпать эти каналы, чтобы накопилась лесу влага для засушливого времени. Вторая группа была муравьиной, шла на прежнее задание. Третья отправилась на первое дежурство в лесу.

Наташку оставили дома. Она знала свою вину, не просилась в лес. Когда все распределились, двинулись было в путь, Александр Григорьевич вдруг остановился, спросил:

— Ребята, друзья-товарищи, а что же мы Наташу бросаем одну? Я думаю, что в лесу от нее будет больше пользы. Так или нет?

Девочки первыми крикнули, что так, что она пойдет с ними на муравейники. Канавокопатели попросили ее в свой отряд, а Пестряк высказался, что она пойдет с его патрульной группой, что ее любой пивной продавец испугается. Она получила зеленую повязку патруля и потянулась следом за всеми по лесной дороге.

Ребята окружили студента Володю, потребовали рассказов. Не забыли они его обещания и оторвали от разговора с Александром Григорьевичем и Наташкиным отцом. Он рассказал им, как организованы у него на родине школьные лесничества, чем занимаются ребята, какие выполняют поручения.

— Такие лесничества надо открывать по всей стране!.. — добавил он уверенно.

Володя был высокого роста, красивый. Он очень понравился Наташке, и она подумала, что хорошо было бы пустить на него Ангела, как она пускала на Пестряка с его командой. Вот он летел бы по лесу, задевал бы головой за суки, а когда вскочил бы на дерево, то над макушкой сосны торчала бы его голова. Она рассмеялась от этого и не смогла слушать Володю, хихикала, отставала и шла отдельно ото всех.

Когда группы ребят должны были разойтись, Александр Григорьевич объяснил, когда собираться всем на обед, где и какими пользоваться сигналами в разных случаях. Наташка спросила у Лизы, о чем рассказывал Володя.

Как они нашли парня, привязанного к дереву. Его уже мухи заедали и муравьи ползали и кусали, и вороны над ним собирались, что скоро ему был бы конец.

— А кто его привязал? — спросила Наташка.

— Дружки. Хулиганы. Их всех нашли. Они издевались над девчонками, а этот заступился. Они ему отомстили. И как нашли они дядьку больного на болоте, спасли. И еще он будет рассказывать. А ты что хихикала?

— Ай, дурочка я, — ответила Наташка. — Смешинка в рот попала. А вообще-то я самая несерьезная. Наверное, я так никем и не стану.

— Станешь, — успокоила ее Лиза. — Ты только держись, как все.

— Ладно, — ответила Наташка. — Это я смогу. Спасибо тебе за совет. До встречи.

Патрульная группа отправилась в обход кордона. Пестряк шел впереди и командовал. Он приказывал не отставать, не разговаривать, бдительно смотреть по сторонам. Наташке его командирство не понравилось. Через некоторое время она спросила:

— Командир, а чего-то ты раскомандовался?

— Что! — удивился Пестряк.

— Хочешь, никто за тобой не пойдет? — спросила Наташка. — Мы не солдаты тебе, а ты не командир.

— Ну, ты командуй, — уступил Пестряк. — Я сам, что ли, назначился? Дядя Саша спрашивал, кто знает лес, — я и сказал...

— А ты знаешь весь лес? — спросила Наташка.

— Да, весь, — ответил Пестряк.

— Тогда командуй, — дала согласие Наташка. — Только потише.

— Ладно, — сказал Пестряк. — Я совсем ничего говорить не буду.

— И со мной не будешь разговаривать? — спросила Наташка.

Пестряк пожал плечами, потупился и ответил:

— С тобой буду.

— А о чем? — спросила Наташка.

— Не знаю, — ответил Пестряк.

— У тебя какие отметки в школе за год? — спросила Наташка и дала ребятам знак рукой идти вперед.

— Плохие, — ответил Пестряк. — На второй год остался в-в... каком, Вань?

— В-в четвертом, Петь, — ответил Ванька, белоголовый мальчишка.

— Это хорошо, — похвалила Наташка. — Я думала, думала, что ты в-в седьмом.

Ребята засмеялись и каждый произнес «в-в». Пестряк ни на кого не набросился, стал тихим, покорным. Мальчишки с уважением смотрели на Наташку.

— Почему хорошо? — спросил почти шепотом Пестряк.

— Задаваться не будешь, — ответила так же тихо Наташка и сказала: — Мальчишки, остановитесь.

Ребята окружили Наташку. Она посмотрела внимательно каждому в глаза и сказала им о срубленной на кордоне семенной сосне.

— Вы понимаете, что это такое? — спросила Наташка, закончив рассказ.

— Понимаем, — хором ответили ребята.

— Во что бы то ни стало их надо найти и поймать. Они так уничтожат все наши леса, и тут кругом будут одни болота или пустыни.

— А-а как их искать? — спросил Ванька.

— Никто еще не знает, как их искать, — ответила Наташка. — Мы нашли только пуговицу с царским орлом. Медную.

— С царским! — удивились разом трое ребят.

Пестряк смотрел в землю, о чем-то думал. Наташка поняла, что открытие этой тайны задело его, но она не подала виду, что догадалась об этом.

В месте встречи всех групп, на высоких дюнах, куда Женя с Бобкой подвезли обед, были все, кроме группы патрулей. Александр Григорьевич истратил два патрона (последний, особенный сигнал), но патрули не отозвались и не явились к условленному времени.

— Полчаса ожидания кончились, — объяснил он. — Ждать больше не будем. Если бы не было с ними Наталии Кирилловны...

— Помилуйте, уважаемый, — взмолился Кирилл Петрович, — моя ли это дочь, если ежедневно виноват, ежечасно слышу одни упреки. У моей дочери был бы и мой характер. Не так ли, молодые люди? — обратился Кирилл Петрович к ребятам.

— Те кивнули.

— Дернуло меня взять ее! — сокрушался Александр Григорьевич. — Хотя она и там нашла бы себе забаву. Завтра под замок... И что с Виктором было не отправить ее к маме?

— Дорогой Саша, если нам не сладить с такой шустрой. Да, кстати, перед отъездом Витя назвал ее Шустренкой. Забавно, не так ли?

— Где-то я об этом слыхал, — стал вспоминать Александр Григорьевич. — А забавно не это — другое. Куда она мальчишек спровадила? Не опять ли с Бесом номера показывает?

— К дому они не подходили, — сказал Женя. — Голоса не было слышно. Бобка с крыши наблюдал до отъезда.

Александр Григорьевич махнул рукой, скомандовал обедать.

Патрульная группа не появилась на сбор и под вечер.

Домой возвращались поздно. Александр Григорьевич негодовал всю дорогу.

— Будем сочинять строжайшие правила, — грозился он. — Потом каждый пусть отвечает за свой поступок. В армии ни один взвод, ни одно отделение подобного своеволия не проявляет, потому что там на всех есть определенный устав. Вот и мы заведем такие же порядки.

— В армии, там просто, — вступил в разговор студент Володя. — Нас когда в часть доставили, переодели, старшина-сверхсрочник построил всю партию и спрашивает: «Варить, жарить, парить могут кто?» — «Могут», — отозвались из строя. «Три шага вперед, шагом марш!» — скомандовал старшина. Больше половины вышло. «Любители техники есть?» — спросил старшина у оставшихся. «Есть», — ответили из строя. «Три шага назад, шагом марш!» — подал вторую команду старшина. Человек пять осталось на месте. Он посмотрел на каждого, спросил: «А вы что у меня за гвардия такая? Что вы можете?» — «Все, — ответили оставшиеся, — что заставите, товарищ старшина». Любители жарить, парить и техники смеются над ними, а старшина почесал голову и говорит: «Ну вот что, — показал на первого, — будешь за командира отделения. Командуй взять всем с собой на всякий случай ложки и шагом марш в столовую тюль на окна развешивать. Можете идти». Любители жарить перестали смеяться. Старшина снова командует: «Этой группе взять лопаты, ломы в подвале — и к бане — чистить сток. Остальным подмести территорию вокруг гаражей, вычистить технику и навести порядок в гаражах». Так в армии.

— Там и по-другому бывает, — ответил Александр Григорьевич.

Ребята стали пересмеиваться, спрашивать друг у друга шепотом: «Жарить, парить умеете?», «Технику любите?» Они повеселели, пошли бодрее. Один из студентов принялся насвистывать походный марш. О патрулях снова вспомнили уже у дома, когда никто из них не вышел навстречу.

Александр Григорьевич сразу сходил к собачьей конуре. Бес был на месте, но вид у него был болезненный. Пощупать собачий нос, чтобы узнать температуру, хозяин не осмелился.

— Кирилл, надо принимать срочные меры, — встревожился Александр Григорьевич. — Видно, этот мальчишка, что за старшего поставлен, не знает леса — сбились. Искать будем.

— Вернутся сами, — ответил Кирилл Петрович. — Если Шустренка, то есть Наташка, там, беспокоиться нам не стоит. Все будет в порядке.

— Так уверен? — спросил Александр Григорьевич.

— На сто двадцать процентов. С большим перевыполнением.

— Ну смотри, — ответил Александр Григорьевич. — Я не за Шустренку — за мальчишек беспокоюсь.

— Вот уж чего я никогда не стал бы делать, — ответил Кирилл Петрович.

— Ну, я не из рыцарского рода, и пускай простят мне барышни, мое беспокойство за мальчишек, — ответил Александр Григорьевич.

— У барышень нет на это оснований, — возразил Кирилл Петрович. — Зачем им-то вставать в позу рыцарства, надевать кирзовые сапоги?

Тетя Вера приготовила чай, оборвала перепалку.

Чаевничать решили на улице. Все расселись за длинным столом. С наступлением вечера проснулся

комар. Мальчишки отбивались, лупили по шее, по лбу, расплескивали чай, смеялись.

Александр Григорьевич вдруг поставил чашку.

— Идут, — сказал он тихо.

— Кто сообщил? — спросил Кирилл Петрович.

— По голосам слышно — дохлую ворону изловили, — добавил Александр Григорьевич.

— Лес шумит. Комар работает. Лошадь о сосну чешется, — сообщил шутливо Кирилл Петрович.

— Идут, — сказал Александр Григорьевич и поднялся из-за стола.

— Идут! Идут!

— Это они!

— Кричат! — загомонили мальчишки.

Скоро на тропе от озера показались ребята. Наташка шагала по-командирски во главе их, что-то говорила, размахивая руками. Пестряк завершал группу. Завидев Александра Григорьевича, Наташка закричала:

— Александр Григорьевич! Александр Григорьевич, нашли! — Она перебежала поляну. — Они, те, с царскими пуговицами!

Кирилл Петрович вместе со всеми оставил чай, направился к хозяину кордона, чтобы заступиться за провинившихся патрулей, смягчить гнев.

— Вот, смотрите! — Наташка стянула с Пестряка брезентовую куртку, показала Александру Григорьевичу. — Пуговицы! Пуговицы!

Александр Григорьевич поднял вверх руки и отмахнулся от Наташки, взмолился:

— Оставьте меня. Я, кажется, устал. Где мой чай?

— Да нет же, мы нашли! — кричала Наташка. — Мы пошли когда, отошли только, я и открыла им всю нашу тайну...

— Потихе можно? — спросил Кирилл Петрович.

— Что вы сказали? — спросила Наташка.

— Не спешите оправдываться, уважаемая мисс Шустренка, — ответил Кирилл Петрович.

— Вы были настоящим джентльменом, Кирилл Петрович, — произнесла Наташка по-английски. — Почему никто не хочет меня выслушать? Это же пуговицы с царским орлом. Помните, мы нашли у озера, где срубили сосну?

— Не помню. Не находил, — ответил Кирилл Петрович.

Александр Григорьевич нагнул к Наташке, взял куртку и стал разглядывать. На куртке не было нижней пуговицы.

Он спросил, осматривая ребят:

— Где нашли?

— Сейчас, — сказала Наташка. — Булочки бы. Мы все голодные-голодные...

— Мать, Женька, ребята, — закричал Александр Григорьевич, — кормить их, немедленно...

...Куртка попала к ребятам очень просто. Ее снял с чердака в своем доме Пестряк. Когда Наташка рассказала о срубленной сосне и прибавила, что она была известна почти на весь мир, что от нее семена увезли во Францию и в Америку, что она дороже почти всего леса на кордоне, что ее посадил сам Петр Первый, а какие-то хулиганы уничтожили, потом уничтожат и другие полезные деревья, мальчишки загомонили, что надо обязательно поймать тех, кто срубил сосну, что они готовы ни спать, ни есть — дежурить по лесу.

Наташка привела ребят к сосне. Они осмотрели засмоленный ствол, измерили шагами его длину, посидели, поговорили. Ванька вдруг ударил себя по лбу, произнес:

— Дурак я... Наташа, ребята, а я их знаю! — Он приложил ко лбу ладонь. — Да-да. Я их видел. Мы с отцом ехали по лесу, а они шли. Машина осветила их — они сразу бросились с дороги в лес... И... и, Толь, — обратился Ванька к Пестряку, — Витька ваш был с ними. Тех трое, он — четвертый. Отец еще сказал: «Браконьерить направились».

— А я знаю, — сказал Пестряк. — Они приезжали из города, из ПТУ Витькиного. Они там и не учатся, разъезжают только. Они и еще приедут. Невод привезут и главную протоку у острова будут перегораживать, рыбу на продажу ловить.

— А в чем они были одеты? — спросила Наташка.

— Кто в чем, — ответил Пестряк. — От них там на чердаке одежда осталась...

— Молодцы, ребята! — похвалил Александр Григорьевич патрулей. — Только поспешили вы малость. Куртку надо положить на место и никому ни слова ни о сосне, ни о нашем патрулировании. Дома скажите, что вы ходите мне помогать очищать лес от сушняка. Я завтра обойду ваших родителей и поговорю со всеми, чтобы вас отпускали и не беспокоились о вас, когда вы будете

задерживаться на кордоне. Договорились?

— Договорились, — ответили ребята.

— Ну, а сейчас, если хотите, Женька отвезет вас на телеге в Кутыри, — предложил Александр Григорьевич.

— Нет, нас много, мы так добежим, — сказал за всех Ванька и спросил: — Дядя Саша, а вас можно на минутку?

— Разумеется, можно, — ответил Александр Григорьевич и отошел с Ванькой за жасмин поговорить.

Лето оказалось сухое. Грибов не было. Рыба на озере не клевала. Но люди шли в лес. И всюду горели леса. А тридцать третий кордон беды обходили стороной. При въезде на кордон вдруг появился шлагбаум, столб с ящиком и надписями:

Въезд машинам запрещен — штраф.

**При входе в лес оставь спички,
сигареты, папиросы и махорку.**

И слава расплзлась по округе. На кордон стали приезжать разные люди, изучать работу Александра Григорьевича. Одни оставляли у шлагбаума машины и пешком добирались до дома лесничего, где лишь вечером или рано утром можно было застать хозяина с многочисленными помощниками. Днем лишь тетя Вера, занятая хозяйством, между дел могла ответить, что шлагбаум ни для кого не поднимается, ключ у ребят, а ребята в лесу, что они тут хозяева, без них ничего нельзя поделывать.

Обычно к тете Vere приходили шоферы, а начальники оставались в машинах и потом уезжали назад в свои управления, а днем позже слали почтой Александру Григорьевичу предписания явиться туда и туда-то.

— Осенью, осенью, — говорил Александр Григорьевич, — когда дожди пойдут. В такую погоду лес оставить не могу.

На одной из самых больших высот на кордоне появилась вышка. Ребята дежурили на вышке днем и ночью, Александр Григорьевич добыл по случаю полевой телефон. И когда раздавался звонок и с вышки сообщалось, что на озере засветился костер, патрули быстро появлялись у озера и наводили порядок.

Ожидали ребята и налетчиков-хулиганов. Пестряк совсем обосновался жить на кордоне. Он боялся теперь брата. Отец его пьянствовал, дебоширил, а жизнь в доме лесника была покойная и интересная. Тут каждый вечер шли разговоры о лесе, о приключениях. От всего этого в Пестряке многое переменялось. Раньше он только и думал, где бы что разрушить, куда бы забраться, куда его никогда не пустили бы даже в мягких тапочках и белом халате. Теперь ему хотелось сунуть нос в книжки, которые читал Кирилл Петрович и студенты, что-нибудь узнать из них и рассказать потом ребятам. Кирилл Петрович готовил для ребят лекцию. Он листал книги, быстро записывал что-то на отдельные листы, иногда комкал исписанную бумагу и бросал ее в угол. Пестряк ухитрялся подбирать скомканную бумагу, тайком ото всех с великим трудом прочитывал написанное: почерк у Кирилла Петровича был как у беспечного третьеклассника: пьяный, буква лезла на букву, одна у другой занимала то палочку, то кружочек, то крючок — и эта грамота давалась Пестряку с потом.

Однажды ему выпало дежурить вечером на вышке с Наташкой. Он стал занимать ее разговорами:

— А знаешь, на Америке росла ни то осина, ни то дуб три тыщи и... и сто или триста лет. Когда ее срубили, то было землетрясение.

— Ты о секвойе? — спросила Наташка. — Три тысячи сто лет было ей. На пне потом танцплощадку сделали, да?

— Ага, — ответил Пестряк.

— Я это знаю с детства, — сказала Наташка. А ты где узнал?

— А говорили, там, на чердаке, — ответил Пестряк. — Откуда они столько знают?

— Из книжек, — ответила Наташка и приставила к глазам бинокль. — Знаешь, Толик, мне кажется, на острове появились людоеды. Бегают, танцуют.

— Можно, я посмотрю? — попросил Пестряк.

— Недолго только. Я запишу в журнал. — Наташка взглянула на часы. — Восемнадцать сорок девять. На острове закопошились муравьишки. Вечерняя дымка мешает смотреть. Что-то делают.

— Это они, — сказал Пестряк и дрожащими руками передал Наташке бинокль.

— Запиши, что они на острове. Мы их ждем по выходным, а они в среду притащились.

— Я не буду записывать, — отказался Пестряк. — Не могу.

Наташка увидела его дрожащие руки, жалкую физиономию, словно его могли распять на этой вышке, спросила:

— Ты заболел? Бледный, лихорадка.

— Ладно, — сказал Пестряк, пряча от нее глаза.

— А-а, ты их боишься. Понятно... Чудак, да что они могут тебе сделать?

— Они могут... Они в своем ПТУ деньги отнимают у младших, воруют... Их все боятся. Они с ножами... И Витьку нашего заставили быть с ними... Надо позвонить...

— Подожди, — предупредила Наташка. — Надо получше рассмотреть их и решить, как их задержать.

— На моторе к ним нельзя подходить, — сказал Пестряк. — Услышат и сразу смоются.

— А они долго будут там? — спросила Наташка.

— Если невод не запутался, то поставят и спрячутся, будут его караулить...

— Надо спешить. Следи в бинокль. Наташка крутнула телефон, заговорила:

— Докладывает вышка. Все в порядке. Попросите Женю.

— Наташа? — спросили из дома. — Можно идти на ужин, если все в порядке. — По телефону говорил Кирилл Петрович.

— А где Александр Григорьевич? — спросила Наташка.

— В Кутыри отправился к директору школы и к директору совхоза. Завтра я должен буду читать лекцию для вас — решили собрать побольше ребят.

— Папа, я знаю все твои лекции, — сказала Наташка. — Можно меня избавить от этой?

— Никогда! — ответил Кирилл Петрович. — У меня новая гипотеза по осушению лесных заболоченных участков...

— Папа, это на ученом совете. Скорее Женю — пожар.

— Наташка слышала крик, звали Женю. Он появился быстро, часто дышал в трубку, кричал:

— Наташа, где, в каком квадрате?

— Ни в каком, — ответила Наташка. — Скажи, ты меня любишь?

— Чего-чего? — спросил Женя.

— Любишь меня или нет? — повторила Наташка

— Не знаю. Ты что? Телефон же только для службы, — заговорил Женя. — И вообще... это... ты всех напугала. Там лошадь запрягают, лопатами, ведрами гремят... Чего это ты?

— Нет, если ты меня не любишь, то я ничего тебе не скажу, — пригрозила Наташка.

— Вот еще, — ответил Женя. — Ладно, пускай будет по-твоему.

— Ага, любишь! Тогда слушай мою команду. Скажи самым большим мальчишкам, что появились хулиганы. Бери троих и направляйся к острову. Они там...

— Надо взрослых взять, — сказал Женя. — Две группы...

— Они тебе все испортят, — прокричала Наташка. — Идите. Я со второй группой подойду за вами...

Сборы были скорые. Женя взял ружье, троих ребят и направился ближней тропой к острову, по пути рассказывая о Наташкином сообщении. Наташка летела через лес к дому. Пестряк насилу поспевал за ней следом. У дома она велела ему не показываться сразу на глаза, подойти через полчаса и сказать, что она направилась на родник мыться.

Наташка обежала дом, огляделась, приблизившись к конуре Беса. Отец стоял на балкончике, что-то читал при вечернем солнце, и вдруг он ушел в комнату.

— Ангел, — позвала Наташка Беса, — Ангел.

Бес выскочил из конуры, где прятался от комаров, обрадовался Наташке. Она отцепила от проволоки цепь и пустилась через овраг к озеру.

Солнце еще освещало восточный берег. В лесу уже сгущалась вечерняя тьма. Птицы затихли, принизились. Остров уже затенился. Наташка представила, где могли быть ребята. Они пересекли болото, спешат той стороной к острову. А что делают те? С какой стороны попали они на остров?

Бес послушно бежал рядом с Наташкой. Когда взлетала с земли птица, он бросался за ней, но поводок не вырывал из руки. Берег озера был безлюден. У воды давно не жгли рыбаки костров. Лишь давние угли чернели на песке.

Солнце быстро уходило за лес. На потемневшей воде стали видны круги. Их было так много, словно начинался дождь. Наташка подняла голову вверх. С неба не капало, лишь вилась в вечернем воздухе мошкара.

«А если они останутся на острове, — подумала Наташка, — что тогда мы будем делать? Надо было взять лодку... сказать, чтобы кто-нибудь прикатил на лодке».

Вода в озере сильно испарилась, отступила от береговых зарослей. Наташка бежала по песчаной прибрежной полосе, надеясь успеть к острову вместе с ребятами. Она оглянулась и увидела вдалеке человека, узнала в нем Пестряка. Он, видимо, набрался храбрости и решил помочь ей.

Остров выступил из вечерней дымки, обрисовались обрывистые берега, деревья на вершине. Наташка поднялась в лес, на береговую тропу. Она то шла шагом, то бежала. От долгого пути колело в груди. Косички ее растрепались, волосы забивались в рот, закрывали глаза. Бес запалился тоже.

— Ничего, Ангел, потерпи, — пришептывала Наташка. — Уже близко. Скоро мы им покажем интересный номер.

Напротив острова была просека. Наташка остановилась на ней, осмотрела остров. Там никого не было. Не слышалось голосов, шума, лишь вскрикивали и плюхались в воду чайки, словно кто-то бросал с берега камни.

«Неужели я ошиблась? — подумала Наташка. — Может быть, мошкара была перед биноклем... Нет-нет, а Пестряк. Он сам сказал, что это они».

Просека была травянистая. Наташка осторожно сошла к воде. Далеко за остров уходило озеро. Там был соседний кордон. А от того места, где стояла Наташка, в озеро выдавалась коса. У воды она была без леса. Когда-то, видимо, остров соединялся с косой. Рядом была бухта.

Со стороны косы по протоке потянул ветер, по воде пошли волны. Бес вдруг потащил Наташку за выступ косы. Она одернула его и внезапно, с испугом увидела у воды огромного лося. Он, подняв высоко голову, всматривался в остров. И вдруг шарахнулся от воды, метнулся в лес.

«Или он нас испугался, или заметил на острове их», — подумала Наташка.

Сзади в лесу зашумели ветки. Наташка обернулась, подумала, что на нее выходит тот лось, но это была ворона. Заметив Наташку, она в испуге пробивалась через ветки в небо.

За островом вдруг раздался ружейный выстрел, послышались крики.

— Наши, Ангел! — обрадовалась Наташка.

Бес рванулся с лаем к острову. Наташка удержала его и затащила в кусты. С острова к протоке выбежали трое в плавках и с узлами в руках.

— Рвем, — крикнул один. — Витяку зацапали... Один из них прыгнул в воду, подняв в одной руке узел, поплыл через протоку. Бес огласил лаем берег.

Наташка слышала крики на острове, поняла, что те двое кричат пловцу вернуться. Наташка вышла из-за кустов, решив, что их не следует выпускать с острова, надо будет задерживать их здесь. Но как задержать, она не знала. Бес может их всех порвать.

Завидев Наташку с псом, пловец повернул, от испуга хлебнул воды и уронил одежду. Он захватил узел зубами, зашлепал по воде руками, забултыхал, словно не умеющий плавать. Встав у острова на ноги, выбросил на берег мокрый узел и сел на мели, стал рассматривать девочку с собакой, в пасть которой он чуть было не угодил. За островом один за другим раздалось выстрелы. Стоявшие на берегу, спрыгнули к воде и направились по мели в сторону косы.

— Ангел, за мной! — скомандовала Наташка и пошла к косе.

— Э, ты, — окликнули ее с острова, — тебе что надо от нас?

— Ничего, — ответила Наташка. — На эту сторону не суйтесь. Ангел от вас ничего не оставит.

— Слушай, мы тебе заплатим, убери эту тварь. Бес рванулся снова к воде. Наташка успела обвить конец цепи вокруг ивы.

— Еще обзоветесь — я за вас не отвечаю, — предупредила она. — И вообще не подавайте голоса. Отпущу — будете знать...

Становилось темно. Лес сошелся всеми деревьями в одно целое. Лишь над озером выступали кусты да склоненные деревья. И вода отражала облака, на которых догорала вечерняя заря. От дальнего к дому берега донеслись выстрелы, зарокотал мотор и стал приближаться к острову. Вскоре на воде обозначилась лодка с людьми, засветились фонари.

Наташка, отбиваясь от комаров, вскоре расслышала голос Александра Григорьевича. Он отчитывал Женю за операцию и грозил за Беса ей. Через некоторое время он появился со студентами на острове, забрал ребят и окликнул ее.

— Немедленно домой! — приказал Александр Григорьевич. — Чтобы раньше всех была на месте. И запомни, уж этот номер не пройдет тебе так!

За пэтэушниками приезжала милицейская машина. Они натворили столько всего, что потребовались наконец следственным органам. Теперь им приписали и лесные похождения.

Эти дела отвлекли Александра Григорьевича от обещания наказать Наташку. Ко всему случившемуся на кордон нагрянуло начальство. В областное управление на него поступила жалоба, что он превышает свои полномочия, развел против мирных граждан настоящую партизанщину, никому не дает ни проходу, ни проезда. Все это сказывалось неприятностями, переживаниями.

Александр Григорьевич махнул было на ребят рукой, но они уже не могли отступить от начатого дела. А после лекции Кирилла Петровича, прочитанной, как он признался, неожиданно для него

самого блестяще, нашлось много желающих ребят вступить в лесничество добровольцами. Александр Григорьевич согласился понести наказание за все самоуправства, но от ребят не отступился.

Наташка не заметила, когда прошло лето. Она так и не успела открыть учебник английского языка, не научила Ямальчика-Бобку выговаривать буквы. Она не успела сделать и еще каких-то дел, а каких — не помнила уже и сама. Лишь втайне считала, что ей удалось совершить один только поступок, главного которого быть не может ничего: приручила Ангела. Под конец лета Александр Григорьевич отказался носить ему корм, ибо Бес встречал его злым, страшным рычанием и не притрагивался к еде. Только при Наташке он опорожнял посудину, после смотрел весело на лес, на нее и успокаивался.

Первыми с кордона уехали студенты. Дом, казалось, опустел. Кирилл Петрович уезжал на прием экзаменов в академию. Его идея регулируемого осушения лесных болот кому-то понравилась. Он набрасывал схему, делал расчеты, придумывая различные формулы, портил бумагу, которую, не переставая, перечитывал Толя Пестряк, осматривал муравейники и вносил пометы в дневники. Ему тоже казалось, что слишком быстро прошло лето и он ничего не успел сделать полезного.

Наташка однажды вдруг заметила, что лес состарился. Когда она приехала на кордон, все деревья, кусты были молодыми, а теперь одряхлели, стали неподатливыми слабому ветру, при сильном — шумели глухо и протяжно, раскачивались и потом долго не могли затихнуть, успокоиться. Поляны стали меньше. И озеро, хотя и наполнилось водой от августовских дождей, казалось очень маленьким. И еще показалось Наташке, что она не видела за лето ни озера, ни леса.

Она подошла к Жене и спросила:

— Женя, а почему ты меня ни разу не прокатил на лодке по всему озеру? Прокати, а?

— Ты не хотела, — ответил Женя. — Мне не жалко.

— А по всему лесу на лошади тоже прокатишь?

— Тоже прокачу. Скоро поедем собирать надписи наши — тогда.

— Ну, опять работать надо, — ответила Наташка. — Так я не хочу...

В город Наташка уезжала с Витей и с отцом. Погода была дождливая. Одну ее в кузове Кирилл Петрович не оставил, побоялся, что где-нибудь останутся, посмотрят — а ее не окажется на месте. Он укрылся накидкой, но у шоссе Наташка перешла тоже в кузов, заявила:

— Не хочу в кабине. Там бензином от Вити пахнет и скучно.

Машина покатила по шоссе к городу. Наташка не знала, хочется ей уезжать с кордона или нет. Теперь ей казалось, что там она жить тоже не смогла бы, там все почему-то стало не так. Ей вспомнились ребята: Женька — всегда занятый своими делами; Ямальчик-Бобка (однажды она спросила, что он делает, он ответил: «Я ласту»). И правда, он ничего не делал, а только рос, ел и рос, ходил и рос, и когда катался, тоже рос); Пестряк Толя — какой-то смелый и не смелый. Он говорил, что куда-нибудь сбежит из дома...

Наташка вскочила и застучала по кабине. Витя остановил машину, прижал к обочине шоссе. Он выглянул из кабины, спросил:

— Что случилось?

— Постой, — сказала Наташка и заговорила с отцом: — Пап, давай вернемся. Знаешь, там Толик остался. Давай его возьмем к нам жить.

— А что случилось? — спросил Кирилл Петрович.

— Он несчастный такой, пап. Ему совсем нельзя жить дома.

— Ну, так не делается, — ответил Кирилл Петрович. — Надо предварительно договориться... У него родители... От школы, от роно должно быть разрешение. Это очень сложно... Поезжай, Витя...

Дождь застучал по брезенту. Наташка закрыла глаза. По щекам у нее сами собой потекли горячие слезы. Прошло лето, а она совсем ничего не смогла сделать, совсем ничего...

В сентябре в городе появился Александр Григорьевич. Раньше он приезжал веселым, молодым, а теперь даже не побрился. Он пришел на квартиру, когда Наташка была одна дома. Родители еще не вернулись с работы. Наташка растерялась, открыв дверь. Она и не сразу узнала его.

Александр Григорьевич привез плохую весть. Через неделю после их отъезда с кордона Бес, словно взбесившийся, сорвался с цепи и куда-то сбежал. И нет нигде его следов.

— Такую собаку ты мне испортила — не забыть, — горевал он. — Ну, да ничего, бывает, бывает...